Жена Болотного царя

Автор:
Купава Огинская

Жена Болотного царя

Купава Огинская

У Болотного царя были враги, были проблемы, была непоседливая, любопытная дочь. Казалось бы, неужели этого мало?

Мало, решило мироздание и подарило царю меня.

Купава Огинская

Жена Болотного царя

ГЛАВА I. На границе Сумеречных топей

Уже добрых полчаса на болоте кричала какая-то бешеная птица. Надрывалась, старалась, нагнетала атмосферу… зараза. Будто не меня, а ее к дереву привязали, в сторонке от разбитого лагеря, да собирались в жертву Болотному царю принести.

От костра, разведенного по случаю позднего вечера и скорого ужина, раздался тихий трусливый смех. Убивцам моим было весело, но боязно – Сумеречные топи слыли местом гиблым, никто в здравом уме не рискнул бы привлекать к себе внимание местных обитателей.

Особенно дикие племена, живущие, или, правильнее было бы сказать – выживающие, на границе болот, до сих пор приносили жертвы этим топям, по старой памяти, так и не изжив глупых суеверий. И все бы ничего, меня бы это даже не особо беспокоило, не случись мне стать этой самой жертвой.

Беспомощной, бесправной, без пяти минут утопленницей. До полуночи осталось не больше получаса, а после – камень на шею да глубокая черная река как новый дом родной…

У убийцы и узурпатора, захватившего трон моего отца, было извращенное чувство юмора – обставить мою смерть он повелел в лучших традициях закоренелого тирана.

Последней кровинке правящего рода суждено было сгинуть в древнем ритуале. Аратан Пламенеющий – новый правитель Зорцесвета, самопровозглашенный, вырвавший это звание с сердцем законного короля, – повелел отдать меня в жены Болотному царю. Раз уж выйти за него, Аратана, и тем самым узаконить его власть над землями моего отца я не пожелала.

А без моей доброй воли корону из рук каменного Хранителя высвободить Аратану было не суждено… Кровь светлых королей не текла в его жилах, ему нечем было пробудить древнюю магию.

Тихо хрустнула ветка, предательски выдав чье-то приближение.

Я подобралась. Путь до топей был неблизким, за это время я успела вдоволь налюбоваться на своих пленителей и ни от одного из них ничего хорошего не ждала.

Ожидая самого худшего, я оказалась совершенно не готова к действительности.

– Здравствуй, красавица, – раздался из темноты незнакомый мужской голос. Укрытая ночью, фигура говорившего была мне совершенно не видна: ни лица, ни одежды, ни хотя бы зыбких очертаний – все поглотила чернота. Лишь глаза мужчины отчетливо и жутко сверкали, пылая красноватыми всполохами и выдавая в нем мага.

Что ж, могло быть и хуже… наверное.

Последний раз нормально умывавшаяся почти три недели назад, в мятой одежде с чужого плеча, растрепанная, с дурацкой нитью красных бус на шее и десятком таких же бусин в волосах, я тихо хохотнула. Красавица, как же… Да меня сейчас кикиморы как родную сестру встретят и подмены не почуют.

– Вы кто такой?

– Разве так встречают своего спасителя? – упрекнул меня незнакомец.

Я промолчала, отказываясь признавать в нем спасителя.

Мужчина растерянно кашлянул. Не на такую встречу он рассчитывал.

– Попробуем еще раз, – решил этот странный тип после недолгих раздумий. – Скоро ты умрешь.

Я тихо хмыкнула – хорошее начало разговора, ничего не скажешь.

– Будем откровенны: если бы не страх этих недоумков перед новым королем, – как ни в чем не бывало продолжал мужчина, глянув в сторону виднеющихся сквозь ветки отблесков костра, – и полностью обоснованный и суеверный ужас перед Болотным царем, смерть свою, мучительную и отталкивающую, ты встретила бы куда раньше, на первом же постоялом дворе, где вы останавливались на ночлег. Но тебе повезло, ты достигла топей целой и невредимой. Сейчас тебе может повезти еще раз.

Он замолчал. И я бы могла проигнорировать его слова, не подать виду, не показать, как они меня заинтересовали… Возможно, маг попытался бы до меня достучаться, предпринял еще одну попытку вызвать на разговор, а может, просто плюнул бы и ушел, решив вычеркнуть меня из своего списка дел на эту ночь.

Птица перестала кричать, будто почувствовав важность момента, но тишина не наступила. Я слышала позвякивание ложек о стенки походного котелка, негромкие разговоры у костра и свое сиплое дыхание.

Выбор у меня был невелик.

– И все же, кто вы такой?

– Разве это так важно, если я предлагаю спасение? – удивился он. – Я делаю тебе большое одолжение, не думаешь, что стоит быть благодарной?

– И не такой подозрительной? – усмехнулась я.

Веревки натирали запястья, я хотела пить и есть: меня не посчитали нужным кормить сегодня, справедливо решив, что переводить продукты на почти утопленницу – бессмысленное дело. Мне было холодно и страшно, и я готова была согласиться, что имя его не имеет никакого значения. Уж точно не сейчас… но не могла. Не было во мне столько отчаяния, чтобы хвататься за первую протянутую руку. В другой руке моего нежданного спасителя вполне мог таиться нож.

На свете существовали смерти страшнее ритуального утопления.

– Хорошо, – сдался он. – Не понимаю, что тебе это даст, но… меня зовут Арис. Я маг из Акатана.

Последнее мужчина произнес с особой важностью, словно ожидая, что, услышав это, я тут же изменю свое мнение и стану верить ему безоговорочно.

Как будто его принадлежность к Ордену Последней Звезды могла оказаться для меня неожиданностью… после всех этих фокусов с ночным зрением. Глаза в темноте так страшно сверкали лишь у оборотней, получивших эту свою особенность от зверей, и у магов.

Вот только у оборотней глаза светились зеленоватыми всполохами, напоминая о лесе и свободе, – я знала это не понаслышке, командором дворцовой стражи моего отца был оборотень… пока новый король не разжаловал его, лишив не только звания, но и головы.

Глаза же магов сияли красным.

– И вы предлагаете свою помощь потому, что?.. – заговорила я, когда стало ясно, что продолжать маг Арис из Акатана не планирует.

– Думаешь, я не могу делать это бескорыстно? – спросил мужчина, и в голосе его слышалась улыбка.

– Нет.

Время уходило, я буквально чувствовала, как моя жизнь с каждым вздохом становится короче, – до полуночи оставалось совсем немного…

– Ты права, – наконец неохотно заговорил маг. – Взамен мне нужна будет одна услуга. Но, поверь, все это в твоих интересах.

– Действительно?

Арис вздохнул. Кажется, я его раздражала, но просто отвернуться и уйти он не спешил, уверяя меня в подозрении, что цена за спасение мне совсем не понравится.

– Даже если я сейчас разорву веревки и позволю тебе сбежать… Даже если помогу выбраться из топей, это ничего не решит, – начал он издалека. – Идти тебе некуда, беглую принцессу найдут везде. Мало кто осмелится пойти против нового короля и помочь тебе, рискуя стать пищей для костров Аратана…

– Я уже поняла, участь моя незавидна, – угрюмо перебила его я. – От меня вам что нужно?

– Но это все поправимо, – как ни в чем не бывало продолжил Арис. – Именно в это время, всего в четырех милях на юго-запад от этого лагеря, дочь Болотного царя идет прямо к очагу наболотника.

– Наболотника?

– Хищная болотная трава, – терпеливо пояснил маг. – Смерть в ее объятиях долга и мучительна. Наболотник любит свежее мясо и предпочитает оставлять свою пищу живой.

Я содрогнулась.

– И я должна ей посочувствовать? Утешиться тем, что меня всего лишь утопят, а ее съедят заживо?

– Нет. Ты должна ее спасти.

– Что?! – вскинулась я, но тут же опомнилась и плотно сжала губы, с ужасом прислушиваясь к мирным звукам ночи. Маг сокрушенно поцокал языком, опечаленный моей глупой импульсивностью.

На этот раз обошлось. Надсмотрщики мои то ли ничего не услышали, то ли просто поленились проверять, что у меня случилось…

Прошло не меньше минуты, прежде чем Арис заговорил вновь.

– Только так ты сможешь попасть к болотникам. Спасешь их царевну и выведешь ее к отцу, что должен был уже лично отправиться на поиски. Попытайся расположить ее к себе, девочка доверчивая, трудностей с этим возникнуть не должно. – Маг с заминкой добавил: – Когда вас найдут, расскажешь, кто ты и откуда. Скажешь, что тебе чудом удалось сбежать из лагеря, когда на него напала голодная нечисть. Что тебя хотели принести в жертву Болотному царю – он не любит, когда во имя его убивают, вероятно, пожалеет тебя. Еще скажешь, что идти тебе некуда…

Это был самый натуральный инструктаж. У Ариса даже голос изменился, когда он начал раздавать мне приказания, – сделался властным, сухим и совершенно неприятным.

– И ни слова не скажешь обо мне, поняла?

– Отчего же?

– У меня… сложные отношения с местными жителями. Если они узнают, кто тебе помог, убьют на месте.

– Ха…

О том, что мне нужно любым способом попасть в дом Болотного царя, втереться к нему в доверие и выкрасть некий кристалл, благоговейно названный магом Сердцем Топи, я слушала очень внимательно, не перебивая.

– Если тебе удастся, – закончил свой монолог Арис щедрым обещанием, – и ты достанешь для меня Сердце, я помогу тебе вернуть трон и наказать убийцу твоей семьи.

– Поможете? – усмехнулась я. – Орден отказал нам в помощи, ваши старейшины не пожелали идти против Пламенеющего ублюдка…

– Разве принцессе подобает так выражаться? – с укором спросил Арис и был мною проигнорирован.

– Они отказались помогать и наложили запрет на магов… – попыталась продолжить я, но была прервана резким:

– Не стоит думать, будто я не в курсе. Я знаю.

– Тогда вы должны знать, что ждет ослушавшегося. Не говоря уже о том, что одного мага, каким бы сильным он ни был, недостаточно для того, чтобы победить Аратана и его ведовок.

– Знаю, – спокойно отозвался маг. – Но если у меня будет Сердце, ничто не станет мне помехой. Я возведу тебя на трон.

Никогда я не желала править. Корону должен был принять брат, ему надлежало сменить отца, это было его бремя… Но сейчас, услышав обещание мага, кровь моя закипела.

Я хотела мести больше всего на свете. Даже если после корону из рук Хранителя мне придется принять самой.

С трудом подавив рвущиеся с губ слова согласия – согласия на все что угодно, лишь бы голова Пламенеющего оказалась у моих ног, – я медленно спросила:

– И я должна поверить вам на слово? – Если я чему-то и научилась за свою короткую жизнь, так это быть осторожной… по крайней мере, мне так казалось.

– Клятва тебя устроит? – деловито спросил маг.

– Я ни в чем клясться не буду, – предупредила его на всякий случай и очень удивилась, когда Арис рассмеялся.

– О, я не запуганная семнадцатилетняя девчонка. Я доверчив, мне будет достаточно лишь твоего слова… Твоему слову ведь можно верить?

Вместо ответа я мрачно сообщила:

– Мне восемнадцать.

Уже три дня как восемнадцать.

Он не уделил этому факту никакого внимания.

Легко произнес слова клятвы… слишком легко, на одно мгновение я даже усомнилась в их силе. Хотя особого выбора у меня все равно не было, как и времени все обдумать.

Веревки, сдерживавшие меня, лопнули, даря свободу. И ровно в то самое мгновение от костра послышался душераздирающий крик.

– Что… – выдохнула я, опасливо вглядываясь в неспокойные отсветы костра. Подняться на ноги удалось с трудом.

– Нападение нечисти, чтобы твоя легенда была правдоподобной, – ответил на незаданный вопрос маг. – Ты же не думаешь, что твоим словам безоговорочно поверят, не утрудив себя их проверить?

Я хотела честно признаться, что еще ни о чем не думала, что все мои силы уходили на сдерживание эмоций.

Долгие дни я укрывалась от мира равнодушием, но лишь сейчас поняла, как тяжело мне это давалось, сколько энергии уходило на то, чтобы прятаться в этой холодной безучастности от своего горя и всех своих страхов. Безнадежность моего положения скрепляла стенки спасительного кокона, но надежда на спасение… надежда на отмщение сделала их уязвимыми.

Стена трещала, казалось, я слышу, как она хрустит, не в силах сдержать мои чувства.

Я оживала, но как же не вовремя.

– Беги, – поторопил меня Арис.

– Подождите, но как мне с вами связаться? – Медленно и трусливо пятясь назад, подальше от страшного пиршества, звуки которого холодной волной проходились по телу, я беспомощно дрожала в темноте. Непроглядная, эта ночь хорошо подходила для смерти, но никак не для чудесного спасения.

– Я сам с тобой свяжусь, – пообещал маг. – Поспеши. Если девочка умрет, наш план провалится.

Я почувствовала как что-то невидимое толкнуло меня в плечо, поторапливая и направляя.

***

Я бежала… а что еще мне оставалось делать?

Бежала, утопая по щиколотку в холодной воде, раня ноги осокой и стараясь не думать о том, что где-то здесь, возможно всего в шаге от меня, мелководье обрывается в бездонную пропасть Черноводной реки – главной, самой широкой, самой глубокой и самой непредсказуемой реки топей.

Если верить сплетням, Черноводная, исток которой находился где-то среди далеких высоких гор, каким-то чудом проходила по территориям Болотного царя, не потерявшись в топях, бережно выносила свои воды людям и тянулась до самого восточного моря, за неспокойный нрав и частые шторма зовущегося

Диким.

Бежала, не видя ничего вокруг, боясь споткнуться и упасть или налететь на дерево… или на что-нибудь похуже. Что-то живое, хотя бы условно, и голодное.

Боялась, что давно сбилась с курса, что не смогу найти ни наболотник, ни царевну… но все равно бежала.

Оскальзываясь, свалившись пару раз в холодную воду, разодрав рукав платья, а вместе с ним и руку какой-то корягой, спрятанной в воде: поднявшейся и затопившей все окрестности по случаю весны, да так до сих пор не вернувшейся в свои границы… Я позабыла про боль, не чувствовала холода, почти не ощущала своего тела.

Безумная гонка оборвалась неожиданно.

Момент, когда деревья расплели свои ветви над моей головой, а ветер прогнал тучи, укрывавшие луну и звезды, я пропустила. Просто в один миг оказалась перед залитой лунным светом поляной, выскочив из каких-то кустов, чьи колючие ветки оставили на моем лице и руках тонкие красные полосы.

Вода, потревоженная моими нервными движениями, пошла волнами, смяв отражение необычно большой, полнобокой луны. По землям некогда моего королевства и сопредельных государств ходило странное поверье, будто на территории Сумеречных топей небо находится ниже. Оттого и звезды здесь больше, и луна раздается в размерах…

Над головой зашуршала листва, и я отпрянула в сторону. Налетела на дерево, судорожно вздохнула, в последний момент подавив рвущийся с губ вскрик, и замерла. В небо, с ветки, под которой я только что стояла, слетела странная птица… или не птица.

Мне мало что было известно о болотах, о животных и нечисти, что жила здесь. Я не знала названия странного крылатого существа – помеси летучей мыши и утки, что, легко облетев по кругу поляну, рухнуло в воду ближе к западной границе. Раскинув широкие кожистые крылья по воде, оно несколько секунд лежало так недвижно, после тяжело поднялось в воздух, подняв тучу брызг и держа в пасти извивающуюся длинную тварь, хвост которой оканчивался крючком.

От увиденного мне сделалось не по себе.

Прижавшись спиной к дереву, я захныкала, поджимая поочередно то одну, то вторую ногу. Пока бежала по лесу, не думала о том, что в воде может обитать что-то страшнее пугливой рыбы. Сейчас задумалась.

На несколько минут я просто оцепенела от страха. Боялась сделать шаг, боялась пошевелиться, да даже дышала через раз и все ждала, что в ногу мою вот-вот вопьются чьи-то зубы. Или костяной, хищно загнутый коготь…

Время шло, а на меня так никто и не напал.

Я немного успокоилась.

Загнав поглубже сомнения и страхи, с трудом заставила себя сделать первый шаг. Не на поляну, настолько отчаянно смелой я не была даже в детстве.

Перебираясь от дерева к дереву, я приняла трусливое решение миновать это жуткое место кружным путем. Казалось почему-то, что рядом с деревьями безопаснее.

Выбор мой был верным, и в скором времени я не только миновала поляну, но и выбралась на сушу.

Хотелось плакать от облегчения.

И я бы непременно поплакала, не нарушь мои планы близкий шум. Кто-то продирался сквозь кусты с основательностью медведя и истеричностью голодной белки.

Какое-то время я прислушивалась к звукам, все отчетливее осознавая, что прокладываемый кем-то путь ведет в мою сторону. Выбор у меня был небольшой: либо встретить создание, чем бы оно ни было, распростертыми объятиями, либо отступить обратно в воду и попробовать найти другой путь – от отвращения и страха меня всю передернуло… Либо скрыться в высоких зарослях какой-то тонкой сероватой травы по правую руку от меня. Слева были лишь голые деревца, чахлые и ненадежные.

Я нерешительно приблизилась к траве. Было в ней что-то тревожащее, что не позволяло мне опрометчиво броситься в серую гущу, укрываясь с головой. Подступив чуть ближе, почти касаясь первых травинок пальцами ног, я все сомневалась. Шум нарастал, создание упорно ломилось в мою сторону, хрустя иссохшими ветками кустов, а я не могла понять, что меня смущает.

В основном, смущало меня, конечно, то, что, кроме этой травы, чувствовавшей себя вроде бы очень хорошо на безжизненной больной земле, никаких других растений не было. Только едва живые деревья слева и иссохшие кусты впереди…

Травинки качнулись ко мне будто под порывом легкого ветра, но правда была в том, что ветра здесь не было.

Ноги, где их коснулись тонкие стебли, обожгло болью. Ойкнув, я отступила, задирая подол платья, – на посиневшей от холода коже набухали кровью тонкие порезы.

Я попятилась.

– Наболотник, да? – спросила тихо. Никто ожидаемо не ответил, но это было уже неважно. Прятаться мне было негде, а вернуться обратно в воду я бы не заставила себя и под страхом смерти.

Доковыляв до ближайшего дерева, я тяжело опустилась на землю, прислонившись спиной к тонкому стволу. Влажное платье неприятно липло к телу.

Трава гневно шуршала, то ли ругаясь на себя за поспешность, то ли на меня за нежелание стать пищей.

Мне было все равно. Прикрыв глаза, я слушала, как кусты трещат совсем близко, а сквозь треск уже слышатся тоненькие жалобные подвывания и судорожные всхлипы, и просто надеялась, что это именно тот наболотник, о котором говорил Арис. И это сейчас ко мне спешит царская дочка, а не какая-нибудь местная нечисть, готовая заморочить меня, заманить в свое логово и съесть.

Луна, казалось, спустилась еще ниже, когда из плена цепких веток вырвалась заплаканная и запуганная девушка… девочка. Света стало больше, и я смогла разглядеть то, чего увидеть и не надеялась.

На вид ей было не больше двенадцати лет, быть может тринадцать. Худая, нескладная, как утенок, утративший детский пушок, но не обретший еще взрослой солидности. Глаза ее едва заметно светились в темноте изумрудной зеленью, почему-то будя во мне воспоминания о маме. Ее любимые серьги горели тем же чарующим зеленым светом, ловя солнечные лучи. Я помнила, как забавлялась, глядя на мамины старания подобрать платье под цвет ее любимых искрящихся изумрудов.

По повелению Аратана маму похоронили в них – единственная моя просьба, которую он выполнил. Тогда еще Пламенеющий надеялся, что я сделаю его королем…

Девчонка замерла, трусливо глядя на меня.

– Привет, – прохрипела я. Она отпрянула.

Откашлявшись и смочив пересохшее горло слюной, я попыталась исправить положение:

– Не бойся, я тебя не обижу.

– Ты кто? – громко спросила она, воинственно задирая острый подбородок. Голос ее дрожал.

– Рагда, – просто ответила я. Никаких титулов, никаких званий. Просто Рагда.

Только имя-то у меня и осталось.

– Кто? – растерялась девочка, хмуря густые русые брови, неожиданно отчетливо видные на бледном лице.

– Рагда.

Еще несколько мгновений она недоверчиво смотрела на меня, силясь что-то припомнить, потом призналась:

– Я не знаю такой нечисти.

И я рассмеялась. Не очень вежливо, наверное, но сдержаться не смогла.

Оборвала себя, лишь когда поняла, что смех мой обогатился новыми, истеричными нотками.

– Я человек, – пояснила болотнице, давя последние отголоски нервного смеха.

– Правда? – Она с сомнением посмотрела на меня. – А что ты здесь делаешь?

Я наморщила лоб, пытаясь понять, какой ответ будет наименее глупым. Выбрать не удалось.

– Сижу, – наконец призналась неуверенно. – А ты что здесь делаешь?

Девочка потупилась.

– Потерялась.

Я помолчала недолго, разглядывая ее, решая, что делать дальше. Арис велел ее найти и оградить от возможной гибели в наболотнике. Он не сказал, что делать дальше, а сама я не могла ничего придумать.

Мне довелось увидеть живого болотника, я была ошеломлена и смущена. В основном потому, что они оказались так похожи на людей. Возможно, при свете солнца я бы и нашла некоторые отличия, но едва ли они были бы достаточными, чтобы усмирить мои чувства.

– Отдохнешь? – спросила я, похлопав по земле рядом с собой.

Одернув безрукавку, девочка сделала неуверенный шаг вперед, подходя чуть ближе и позволяя мне разглядеть искусную вышивку на ее одежде, кожаные

нашивки на брюках, начинавшиеся от колен и скрывающиеся за отворотами шнурованных сапожек, щедро измазанных грязью. И растрепанные волосы, убранные от лица и собранные в косицы на висках. И странные тонкие линии нежного, едва различимого зеленоватого цвета, скрытые под кожей, прерывающиеся тонкими полосами царапин и видные благодаря тому, что рукава ее серой рубашки были закатаны до локтей.

– А ты точно не нечисть? – с сомнением спросила она.

Я подумывала оскорбиться, но решила просто ответить:

– Нет.

После недолгого молчания девчонка сдалась. Проявлять осторожность и сомневаться явно было не в ее характере.

– Меня Агнэ зовут, – сказала болотница. Нерешительно приблизившись, она осторожно опустилась рядом, искоса поглядывая на меня.

– Будем знакомы.

Первое время мы просто сидели, бездумно глядя вперед. Мы были слишком измучены и обессилены для разговоров.

Вскоре я задремала, ничуть не смущенная близостью плотоядной травы. Со временем чуткая полудрема переросла в полноценный здоровый и крепкий сон. Мне не приходилось опасаться, что на нас может кто-то напасть, я не знала, кто здесь обитает, и все равно никак не могла от них защититься… Охоты и сил об этом беспокоиться тоже не было.

Агнэ же вовсе, казалось, не осознавала опасности; утром, по крайней мере, разбуженная неясной тревогой, ее я застала сладко спящей на моих коленях.

На смену ночи пришло блеклое сырое утро, просветы между деревьями больше не были заполнены темнотой, сейчас их затопил туман.

Беспокойство не утихало, лишь становилось крепче. Что-то было не так, но я не могла понять что.

Растолкав болотницу, я с трудом поднялась на затекшие ноги, морщась от покалываний, и за шкирку подняла Агнэ. Она зевала и терла глаза. Я нервничала и разминала шею. Плечи затекли, каждая мышца в теле болела, мне хотелось лечь, свернуться клубком и немного поплакать, а вместо этого приходилось всматриваться в серую тревожную завесу.

– Что такое? – сонно спросила Ангэ. Девочка оказалась всего на полголовы ниже меня.

– Не знаю, – пробормотала я, беспомощно оглядывая темную гладь воды, из которой вчера выбралась. – Но нам нужно отсюда уходить.

– Куда?

Я посмотрела на нее, давя раздражение.

– Ты мне скажи, это же твой дом.

– Я заблудилась, – обиженно напомнила Агнэ.

– Прости.

Растерев лицо руками, я еще раз осмотрелась: наболотник, кусты, деревья, волны на воде…

– Вот же…

– Ох, болотная руда, – сдавленно прошептала Агнэ, проследив за моим взглядом. В воде, среди деревьев, полускрытая туманом, стояла фигура… хотя нет, не стояла. Она двигалась, но так плавно и размеренно, что выдавала ее лишь рябь, расходящаяся по воде.

Тень приближалась, становились видны ветхие тряпки, укутывающие сутулую худую фигуру, глубокий капюшон на склоненной голове, прохудившийся в

нескольких местах, но все так же исправно выполняющий возложенную владельцем на него миссию – скрывать лицо.

– Рагда, – прошептала Агнэ, хватая меня за рукав платья. – Надо бежать. Быстрее. Сейчас же.

– Побежим, обязательно побежим, – пообещала я. – Но сейчас не делай резких движений. Осторожно отходим.

Подталкивая ее к кустарнику, я и сама отступала следом, не сводя взгляда с жутковатой тени. И всеми богами могла поклясться, что видела, как она пропала. Дернулась, будто разрубленная пополам, верхняя часть чуть съехала в сторону, а потом вся фигура исчезла, чтобы объявиться гораздо ближе.

Агнэ глухо взвизгнула в ладонь, я с трудом смогла подавить вопль, прикусив губу.

Фигура исчезала еще несколько раз, покрыв приличное расстояние за пару мгновений. Мы были совсем рядом с зарослями, когда тень растворилась в тумане окончательно. Сначала исчезла она, оставив после себя лишь неспокойное волнение воды, потом на нет сошло и оно.

– Да гори оно все, – выдохнула я, схватила Агнэ за руку и, уже не осторожничая, бросилась бежать. Грудью врезалась в упругие ветки, прикрывая глаза свободной рукой, успела даже прорваться немного вперед, когда ладонь болотницы выскользнула из моих пальцев.

Девочка завизжала.

Я, не раздумывая, бросилась обратно, запрещая себе бояться, но не имея никакого представления, что буду делать дальше.

Вырвавшись из плена веток, первым, что я увидела, была макушка Агнэ. Густые длинные волосы, русые с явным зеленоватым отливом, чуть подрагивали, лицо укрывал капюшон склонившегося над ней существа.

Вот это точно была нечисть.

Я могла сбежать, у меня было время, пока оно занималось Агнэ. Могла бы хоть попытаться спасти свою шкуру.

Прикусив указательный палец – смешной ритуал предков: в далекие времена так призывали удачу перед сражением (а удача мне бы сейчас очень не помешала), – надеясь, что еще не слишком поздно, я бросилась к дереву. Ветка отломилась неожиданно легко, удобно легла в ладонь и выглядела вроде как достаточно крепкой, чтобы я не опасалась, что она рассыплется в щепки от первого же удара.

Она и не рассыпалась.

Нечисть, оторвавшись от Агнэ, обернулась ко мне – болотница осела на землю изломанной куклой. Я слышала, как она хрипло и тяжело дышит.

Следующий удар заставил нечисть отступить, ей едва ли было больно, она просто растерялась. Или, быть может, выжидала. Или что-то еще – это было неважно. Главное, она отступала, позволяя себя теснить в нужном мне направлении, прямо в опасные объятия хищной травы.

Когда нечисть подступила достаточно близко к наболотнику, я воспряла духом, почти поверила в победу.

Когда она оказалась по колено в траве, я позволила себе победный вопль, быстро сорвавшийся в стон, полный ужаса. Наболотник расступался, не желая не то что питаться, но даже касаться одежд этого существа.

Колени ослабли от страха. Я не знала, что еще можно сделать…

Нечисть, будто только этого и дожидаясь, качнулась ко мне, протягивая длинные тонкие руки, так похожие на ветви местных иссушенных деревьев. Я отпрянула, но черный коготь успел подцепить бусы на моей шее. Нить лопнула, и по земле рассыпались красные бусины, несколько упали в наболотник, ничуть его не заинтересовав.

– Оххх…

Стрела, пролетевшая над моей головой и угодившая в тень под капюшоном, оказалась приятной неожиданностью.

Нечисть заверещала, звук походил на визг закипевшего чайника.

Я поежилась, не совсем понимая, из-за чего по спине прошелся холодок: из-за стрелы, просвистевшей в дюйме от моей макушки, или из-за воя нечисти.

Завороженная, я смотрела, как дергается древко стрелы и шуршит оперение, а тощие руки с длинными птичьими когтями скребут лицо под капюшоном, боясь коснуться заговоренного дерева, щедро украшенного резами. Те тускло светились золотом, активные и полные силы.

На плечо мне легла тяжелая ладонь, отодвигая в сторону, мелькнуло лезвие меча, и вой оборвался. В тут же зашуршавшую траву свалилась голова в капюшоне, а вслед за ней опало и тело.

Я боялась оборачиваться и смотреть на того, кто все еще держал меня, и потому смотрела на наболотник. Там, где упало тело нечисти, трава чернела и ссыхалась.

– Па-а-апа, – слабо прохныкала сзади Агнэ, и рука с моего плеча исчезла.

Через несколько секунд я осмелилась повернуться и посмотреть на наших спасителей.

Их было пятеро. Все в одинаковых легких доспехах приглушенного зеленого цвета, с мечами или топорами.

Четверо с длинными причудливо заплетенными косами, украшенными бусинами из посиневшего вивианита.

Пятый, на груди которого сейчас рыдала Агнэ, убрал волосы от лица, заплетя косы лишь на висках. Он был похож на болотницу, но еще больше на пришедших с ним товарищей. Высокие, гибкие, бледные, с зелеными глазами и сосредоточенно-равнодушными выражениями лиц, они были просто неприлично похожи между собой.

Но мужчина, утешавший сейчас Агнэ, был похож на нее как-то по-особенному. Пусть болотница оказалась обладательницей круглого личика, аккуратного носика и бровей вразлет, а у этого мрачного типа, не отрывавшего от меня тяжелого взгляда, имелись скулы, даже намека на которые у его дочери не было, впалые бледные щеки, прямой нос чуть длиннее необходимого и густые брови с хищным изломом… несмотря на все это, они были похожи.

Агнэ постепенно затихала, успокаиваясь в кольце родных рук. Мне же, напротив, становилось все тревожнее.

– Кто ты такая? – спросил… судя по всему, царь.

Из-за того ли, что я была на нервах, или просто являлась особой впечатлительной, от его голоса меня пробрало до мурашек.

В первое, особенно самоубийственное мгновение я всерьез рассматривала возможность солгать. Придумать какую-нибудь трогательную историю о деревенской девице, что болела хроническим невезением, из-за чего и попала туда, где, собственно, сейчас находилась, но что-то меня останавливало. Было странное чувство, не подкрепленное ничем, кроме моей паранойи, что врать ему не стоит.

И я призналась:

– Не знаю.

– Поясни.

– Ну… – Я кашлянула и несколько раз сглотнула, желая избавиться от горечи, затопившей рот. – Какой-то месяц назад я была принцессой. Второй наследницей на престол Зорцесвета. Благословенной самой богиней. А теперь я беглянка.

Один из болотников, обладатель странного топора с длинным топорищем, овитым тонкой, вдавленной в дерево стальной лозой, подошел ко мне.

Я удобнее перехватила ветку – свое верное оружие.

Кто-то насмешливо хмыкнул заметив это.

Мужчина улыбнулся… Наверное, улыбку его можно было считать дружелюбной, но мне едва удалось удержать себя на месте – если бы не наболотник за спиной, я бы непременно попятилась.

Склонившись, он поднял с земли одну из бусин, лежавшую у моих ног, – я затаила дыхание и не дышала, пока этот странный тип не выпрямился.

– И жена Болотного царя, – весело отметил он, катая между пальцами бусину. – Поздравляю, брат, хотя бы одна добралась до тебя живой.

Чувствуя на себе заинтересованные взгляды болотников, я успела сто раз пожалеть, что не выбросила эти бусы еще вчера и не выплела из волос красные бусины, на которые сейчас все смотрели.

– Не совсем так, – сдержанно проговорила я, стараясь смотреть в лицо смутившему меня мужчине, но взгляд то и дело опускался к земле, – ритуал не был завершен… Собственно, потому я еще жива.

– Что же случилось?

Он начинал меня раздражать.

– На лагерь напали какие-то хищники. Меня к костру не пригласили, что спасло мою жизнь. Пока остальных ели, я успела сбежать, – проговорила сухо, чувствуя, как сердце начинает стучать быстрее, растревоженное воспоминаниями. Уронив ветку на землю и поддернув дрожащими пальцами рукава платья, я продемонстрировала всем желающим запястья, на которых все еще болтались обрывки веревок.

– Мы же не бросим ее здесь? – с надеждой спросила Агнэ. – Ее нельзя бросать, она же пропадет.

– Сгинет еще до полудня, – со знанием дела подтвердил стоявший передо мной болотник, отчего неприязнь моя к нему лишь возросла. Он же не просто так это сказал, вон как насмешливо смотрит, запугать пытается, не иначе… сын

кикиморы! Как будто я недостаточно напуганная сейчас перед ними стою.

Да если бы мне хоть вполовину не было так страшно, я бы сейчас прямо тут самозабвенно рыдала, выплакивая все, что накопилось. А накопилось много.

– Заберем с собой, – решил неразговорчивый отец Агнэ, кивнув этому невыносимому типу.

Я не успела среагировать, когда шеи коснулись теплые пальцы, забирая у меня это тяжелое утро и меняя его на столь же тяжелую темноту.

***

В себя я пришла резко, вынырнула из забытья, как из холодной реки, хватая ртом воздух и задыхаясь. Сердце колотилось как бешеное, на глаза навернулись слезы, пересохшее горло разъедало едким дымом, а передо мной на корточках сидел недавний знакомец, широко улыбаясь и держа в руках тлеющий и щедро дымящий пучок каких-то трав.

– Сильна же ты спать. – Глаза его в наплывающих сумерках начинали опасно светиться, придавая лицу хищный вид.

– Вы… – прохрипела я сдавленно, звонко чихнула и наконец смогла глубоко вдохнуть. – Вы что со мной сделали?

– Избавил от необходимости терпеть небезопасный, долгий пеший переход, – сообщил он. – Ужин готов, поднимайся.

Желудок скрутило голодным спазмом от его слов.

Этот день и правда был безжалостно выкраден из моей жизни – солнце уже покинуло небо, будто его и не было, лишь над вершинами деревьев виднелись розоватые разводы дотлевающего заката. Разбудили меня относительно ранним вечером, на какой-то прогалине, со всех сторон окруженной пушистыми елями. Под лапами одной из колючих красавиц был разведен скромный огонь. Едва видный и почти не дымный, нужный болотникам лишь для того, чтобы приготовить еду.

Я не ела двое суток, но больше пищи мне сейчас нужна была вода. Облизав пересохшие губы, я огляделась.

– Что такое?

– Пить хочу, – неохотно призналась излишне внимательному болотнику.

Он понимающе кивнул.

– Прошу к костру, сейчас все устроим.

Не обманул.

Меня и напоили, и полную плошку какой-то странной каши преподнесли, и даже куртку на плечи набросили, спасая мой измученный организм от наползающего с темнотой промозглого холода.

Снаряжены болотники были на славу, и пять больших походных сумок я не увидела при первой нашей встрече лишь потому, что их бросили, услышав крик Агнэ. К счастью для всех нас, в этих болотах не водилось живности, которую могли бы заинтересовать оставленные без присмотра вещи.

Пока остальные члены нашего неожиданного отряда с аппетитом уплетали ужин, я подозрительно разглядывала содержимое плошки, несмотря на весь свой голод не спеша есть.

– Это вкусно, – сказала Агнэ, незаметно оказавшись рядом. – А Сэн туда еще и специальные травки добавляет, чтобы спалось лучше.

– Травки, – задумчиво повторила я, теряя аппетит.

– Сэн в этом деле мастер, – горячо заверила меня болотница и подсела ближе, почти касаясь моего плеча своим. – Он у Ллэт в учениках ходил, а она лучшая знахарка на всю Зыбь.

– Зыбь? – переспросила я рассеянно, с еще большим недоверием рассматривая свой ужин.

– Вы зовете эти земли Сумеречными топями, мы Зыбью, – раздалось справа от меня.

Болотный царь сидел у затухающего костра, равнодушно ковыряясь в своей порции сомнительной каши, сдобренной чудодейственными травками…

Я испытывала странную неловкость, просто глядя на этого мужчину, ничем не похожего на царя.

Быть может, Арис что-то напутал? Вдруг на обед к наболотнику чуть не угодила вовсе не дочь местного правителя, а дочь кого-нибудь из его солдат? Капитана, например. Угрюмый и немногословный, отец Агнэ вполне сошел бы за командира этого отряда.

– Ага, – пробормотала я беспомощно. – А кто такой Сэн?

– Сэнар к вашим услугам, – бодро отозвался печально знакомый мне болотник. Есть расхотелось совсем.

Если уж он меня одним прикосновением сумел вырубить, то что же его травки со мной сотворят? Да лучше голодать…

– Ешь, – сухо велел отец Агнэ.

– Ксэнар, – хохотнул Сэн, с упреком глядя на того, кого утром так просто звал братом… Меня кольнул легкий интерес, заставивший все же посмотреть на этого хмурого болотника: а правда ли они родственники или это просто особенности местной культуры? Внешнее сходство ничего не значило, они тут все были неуловимо похожи. – Ты можешь быть хоть немного дружелюбнее?

Ксэнар дернул плечом, будто отмахиваясь от вопроса.

– Я не уверена, что мне стоит есть вашу еду, – призналась я.

Агнэ мои слова удивили.

– Почему?

– Ну… – я замялась, не зная, как объяснить свои опасения.

– Мы не так уж сильно отличаемся от людей. Нашей едой ты не отравишься. – Сэнар призадумался и честно уточнил: – Не должна. Таких случаев на моей памяти не было. Ни один человек не умер от нашей пищи. В основном они гибнут по каким-то своим причинам, никак не связанным с нами.

– И часто у вас люди гостят? – спросила я, ухватившись за его слова.

– Чаще, чем ты думаешь. Один, к примеру, уже пятьдесят лет гостит, – со странной улыбкой сообщил болотник. – Беглый каторжник.

– Вы укрываете преступников? – поразилась я.

– Укрываем. – Улыбка Сэнара стала просто запредельной. – На твое счастье…

ГЛАВА

II

. Поселение

К поселению мы вышли на исходе следующего дня… очень длинного и полного неожиданных открытий.

Сэн, который, казалось, готов был говорить сутки напролет, рассказал, что зовутся жители Сумеречных топей на самом деле вовсе не болотники, а эва, и земли их простираются до самых гор Поднебесья, чьи белые от снега вершины купаются в облаках.

По древней легенде, горы эти проткнули небо и омылись его кровью, соединив собой мир земной и мир небесный. Но настанет конец всего, когда земля

содрогнется, горы Поднебесья будут уничтожены и раненое небо падет на нас.

А пока этого не произошло, эва добывали из горных недр железо, минералы, драгоценные камни и «кое-что еще, крайне полезное в быту» – как туманно сообщил Сэнар.

Укрытые от всего мира кольцом болот, эва процветали – земли их были плодородны, территории обширны и хорошо защищены от жадных взглядов людских завоевателей.

Пока мы шли сквозь душные топи, отбиваясь от голодной мошкары, налетевшей внезапно и так же внезапно исчезнувшей, продирались сквозь спутанную злую траву, ранившую ноги (меня, как бессмысленный трофей, на своей спине тащил Сэнар, но пяткам моим все равно досталось от острых травинок), и балансировали на кочках, рискуя свалиться в трясину, хвастливым словам эва я верила мало.

Постепенно земля становилась все надежнее, воды – все меньше, а воздух делался суше… вроде даже прохладнее. Болота оставались позади, природа неуловимо менялась, и уже к обеду вместо угрожающих шорохов в кустах слышалось безобидное копошение любопытных лисиц, в листве деревьев шуршали непуганые белки и пели птицы.

Зыбь открывалась мне с другой стороны, заставляя поверить всему, что рассказал Сэнар.

Из странных и опасных мест, где, избежав встречи с нечистью, легко можно было найти свой конец в безжалостной топи, я будто попала в другой мир.

Ели неохотно уступали место менее влаголюбивым деревьям, мох сменяла сочная трава, а вместо клюквы под ногами краснели сочные ягоды земляники.

Слова Сэнара больше не казались мне пустой похвальбой, наверное потому, увидев высокие каменные стены, за которыми находились аккуратные домики, одноэтажные и двухэтажные, я не сильно удивилась.

Здесь можно было увидеть и каменные, и деревянные строения; какие-то из них, что постарше и помнили еще времена затоплений, стояли на сваях и неизменно имели два этажа.

Единственным исключением был трехэтажный дом Ксэнара – отца Агнэ и все ж таки действительно Болотного царя. Дом этот возвышался над всеми остальными не только за счет лишнего этажа, но и благодаря мощным сваям, удерживающим его над землей.

Эва, отправившиеся в топи с царем на поиски сумасбродной царевны, отваливались от нашего неказистого отряда по мере продвижения к царским хоромам.

По высокой лестнице к широкому крыльцу, с которого, должно быть, очень удобно держать речь, мы подходили уже вчетвером.

– Ну что ж, принцесса, добро пожаловать, – весело сказал Сэнар, поднимаясь по ступеням вслед за хмурым царем и подавленной Агнэ: пока меня развлекали чуть хвастливыми рассказами о болотном царстве, царевну ругали… не ругали даже, просто негромко и сухо перечисляли все возможные последствия ее необдуманного поступка, что было куда как хуже.

Я попыталась сползти на землю, Сэн придержал меня, одарив недовольным взглядом из-за плеча:

– Куда?

– Теперь-то я точно сама могу идти. Даже босая…

– Мне выпала честь позаботиться о тебе, так что будь добра, не мешай выполнять царское повеление, – воодушевленно заметил эва, будто бы я не слышала, как он сам вызвался возиться со мной и с каким безразличием ему это было дозволено.

Но я-то слышала, хотя спорить и уличать Сэнара во лжи не рискнула, позволив внести меня в просторный зал на первом этаже, заполненный лишь тишиной и приятной прохладой. На каменных стенах, кроме странных пузатых сосудов с

непонятными спиралями внутри, не было ничего. Ни картин, ни гобеленов… даже шкур и голов убитых на охоте животных (последнее меня порадовало). Помимо лестницы, ведущей на второй этаж, здесь были лишь камень, стекло и закрытая деревянная дверь с двумя параллельными стальными полосами.

– Как… пусто.

– Считаешь? – хмыкнул Сэн. – Во времена предков первый этаж никогда не был жилым. Несмотря на всю нашу предусмотрительность, вода часто поднималась куда выше свай. Раньше все дома были такими, сейчас, во времена перемен, традициям следует только Ксэнар, как царь и хранитель прошлого.

Мы направились к лестнице.

– Наводнений больше не случается?

– На моей памяти не было ни одного.

Миновали второй этаж и поднялись на третий.

– Разместим тебя… – протянул Сэнар, рассматривая вереницу однотипных дверей – деревянных и мощных. Надежных.

Недолгие размышления погнали его вглубь коридора, к предпоследней двери.

Распахнулась она легко и тихо, давая мне оценить простой уют комнаты. Здесь не было парчи или шелка, не было дорогого дерева и богато расшитых ковров. Низкую кровать у стены укрывала пушистая шкура, под окном стоял необычный стол из ели, где в трещинах дерева интригующе блестела янтарем застывшая смола… или что-то очень на нее похожее. Массивный стул, комод, легкое кресло на кривых ножках в углу…

Стены вместо привычных мне шелковых обоев были отделаны деревянными панелями, скрывавшими холод камня и являвшимися завершающим штрихом приятной атмосферы.

Сэнар спустил меня на пол, позволяя самой войти в спальню.

– Этой комнатой давно не пользовались, я пришлю кого-нибудь перестелить постель, а ты пока осмотрись, – предложил он, закрывая дверь.

У меня не было сил осматриваться.

Желания тоже не было.

Подойдя к кровати, я медленно на нее опустилась, погладила мягкую шерсть шкуры и облегченно упала на подушку, свесив грязные, израненные ноги на пол.

Я уже и не помнила, когда в последний раз мне случалось спать на такой мягкой и чистой постели. Казалось, это было в прошлой жизни… впрочем, именно в прошлой жизни это и было. В жизни любимой всеми принцессы, а не грязной и измотанной беглянки.

Я уснула, не проверив вместительность комода – вещей у меня все равно не было, не посмотрев даже, какой вид открывается из незашторенного окна, закрыла глаза и провалилась в сон.

Кажется, кто-то заходил, опасливо окликал меня, осторожно тряс за плечо, а не добудившись, оставил в покое… я не могла бы утверждать, что мне это не приснилось. Потому что проснулась я уже в темноте оттого, что меня как раз за плечо и трясли, не желая отставать.

– Рагда. Ну Рагда же…

– Агнэ, ты что здесь делаешь? – просипела я, с трудом открывая глаза.

– Проведать пришла, – созналась она. – Тебя никак разбудить не могли. И на ужин ты не спустилась. А утром, как вернутся совы, еще до завтрака тебе перед отцом ответ держать придется. И для этого нужно будет много сил…

В темноте я видела лишь ее светящиеся глаза, потому сунутый в мою вялую руку бутерброд оказался настоящей неожиданностью. Агнэ не потрудилась зажечь свет, когда пробиралась ко мне… а быть может, просто опасалась, что кто-нибудь увидит огонек в окне и придет проверить, все ли в порядке.

– Что…

– Ешь, – велела она радостно.

– Спасибо.

Я откусила, прожевала первый кусок и ненадолго задумалась.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросила Агнэ.

– Откуда у вас хлеб?

Она засмеялась.

– Выращиваем пшеницу, перемалываем ее в муку и выпекаем хлеб. Или у вас это как-то по-другому делается?

Медленно покачав головой, я еще раз откусила от бутерброда. Между мягких ломтей хлеба, политый пряным соусом, лежал щедрый кусок мяса. Он был просто изумительно хорош, и я решила не спрашивать, от чьей тушки его отрезали… не хотелось рисковать. Вдруг ответ мне не понравится и испортит аппетит?

Агнэ легко поднялась с постели, отошла ненадолго к столу и вернулась ко мне с высокой деревянной кружкой, хотя… скорее бамбуковой. В последнем трактире, где я столовалась, еще будучи пленницей, посуда была из бамбука.

Как говорили местные, он хорошо рос во влажном климате, а в тех местах влажности было с избытком.

В этих тоже.

– Чай, – пояснила Агнэ, когда я приняла кружку.

– Ты сказала «когда вернутся совы», что это значит?

– То и значит. Отец велел отправить сов, чтобы они нашли лагерь, о котором ты говорила. И когда утром совы вернутся, пастух сможет подтвердить твои слова.

Я хмыкнула.

Агнэ не допускала даже мысли, что я могла солгать. Это было… странно. Мы познакомились всего два дня назад, но она вела себя так, будто мы росли вместе.

– Пастух сов?

– Да.

Когда я доела бутерброд и допила чай, она забрала кружку, поднялась и предупредительно сообщила:

– Моя спальня находится слева от твоей, следующая же дверь. Ванная – в конце коридора, дверь с латунной ручкой, в нее такой зеленый светящийся камень вделан, ты ее сразу заметишь. Еще я принесла тебе тапочки, они у кровати. Если бы знала твой размер, принесла бы сапожки, их у меня полно.

– Спасибо.

Сейчас царевна была такой взрослой, не видя в темноте ее подростковой угловатости, я не могла отделаться от мысли, что ребенок здесь я.

– Агнэ? – позвала ее негромко, когда она открыла дверь, готовая уходить.

– Да?

– А что ты делала в топях? Зачем ты сбежала из дома?

– Хотела посмотреть, как живут люди.

***

Агнэ оказалась права. Утром меня вызвали к царю, едва я успела отыскать уборную и умыться, сделав для себя невероятное открытие: жизнь эва облегчали водгрей, о котором еще не в каждом городе нашего королевства знали, и канализация.

Перехватив меня в дверях ванной, смущенная девушка в вышитом переднике поверх серого платья, то и дело заправляя за ухо выбившуюся из косы прядь, пробормотала что-то и попросила следовать за ней.

Я подчинилась.

Мы спустились на второй этаж, миновали уютный холл с камином, креслами и шкурой какого-то странного животного на полу, прошли по небольшому коридору и оказались перед двустворчатыми дверями, за которыми скрывалась библиотека.

Стеллажи с книгами не казались нескончаемыми, но выглядели многообещающе заполненными.

У окна, за столом, в свете ленивого рассветного солнца сидел царь. Ксэнар сменил доспех на рубаху и волосы собрал в небрежный хвост, не озаботившись придать себе грозный вид.

Домашний повелитель топей внешне не соответствовал своему жуткому статусу, и это несоответствие будило неясную тревогу. Еще со времен домашнего обучения, мужественно отвоевав себе право пройти хотя бы общий курс зоологии, я поняла одну простую вещь: порой то, что на первый взгляд выглядит безобидным, вполне может оказаться смертельно опасным.

Позади Ксэнара, за высокой спинкой второго пустого стула, стоял эва, совершенно не впечатляющий на фоне жутковато-мирного царя. А рядом с ним, на деревянном подоконнике, сидели две болотные совы. Взъерошенные, сонные и чем-то недовольные, они смотрели на меня полуприкрытыми рыжими глазами. Такими же рыжими, как и глаза незнакомого эва.

– Садись, – велел Ксэнар, кивнув на два стула напротив него.

Стол был обычным для читальных залов – длинным, широким, на четыре места, на краю даже уместилась неровная стопка из нескольких книг.

Я подчинилась. Приблизилась, опустилась на краешек стула и, сложив руки на коленях, приготовилась слушать.

– Лагерь полностью уничтожен. Уцелевших нет, – сообщил Ксэнар, пока мы с совами играли в гляделки. Смотреть на них было куда легче и безопаснее, чем на царя.

Новость эту я восприняла спокойно, даже с неким злорадным удовлетворением. Эти люди пришли к границе топей, чтобы убить меня, но вот она я, живая и отдохнувшая, а где они?..

Дальше должен был последовать допрос, я ждала его, была уверена, что меня заставят рассказать о себе все. В какой-то степени я была к этому готова.

Но вот к чему я совсем готова не была, так это к тому, что царь сам расскажет историю моей жизни… последних ее месяцев.

Расскажет о войне, об осаде столицы, о ее захвате, казни правящего рода, моем упрямстве и наказании за него.

Начал он свой рассказ с неопасной на первый взгляд фразы:

– Как мне известно…

Известно ему было все.

Как я ни держалась, желая достойно выслушать сухие сводки событий последних недель, ничем не выдать своего страха, своей злости или разъедающего горя, долго хранить покой мне не удалось. Я заерзала, сгорбилась, не в силах терпеть прямой взгляд царя и простые слова, больно бьющие по мне.

– Впечатляет, – пробормотала я, переплетя подрагивающие пальцы и глядя только на них. – Могу я поинтересоваться, откуда у вас эта информация?

Голос мой дрожал, но этого тактично не заметили.

– Мы не желаем зла людям, – заговорил незнакомый мне эва, – и хотим быть уверены, что они также не желают зла нам.

– Вы за нами следите?

– Мы слышим не больше того, что слышат люди, и видим не дальше, чем видят люди… – раздражающе туманно ответил он.

– Есть разница между тем, что слышит простой рабочий на центральной площади и, к примеру, советник короля. – В горле встал горький ком, говорить было тяжело, я с трудом могла сглотнуть вязкую слюну, в отчаянии ощущая, как трещит стена моей отстраненности, моего спасительного безразличия. Первые трещинки появились в ней из-за Ариса, из-за Ксэнара она рисковала пасть.

Не хотелось бы мне, чтобы эти двое стали свидетелями моей истерики… Подозреваю, им бы тоже этого не хотелось.

– Несомненно, – покладисто согласился пастух сов, скупо улыбаясь. – Нам ничуть не интересно, что слышит рабочий.

– Нэшар, – ровный голос царя не выражал ровным счетом никаких эмоций, но рыжеглазый Нэшар опустил голову и замолчал.

– Как вам это удается? – спросила я, желая отвлечься, удержать стену от падения, чтобы позже, в тишине, залатать трещины. – Видеть и слышать?

– Вы равнодушны к себе подобным простолюдинам, а наши полукровки внешне очень похожи на людей, – не поднимая головы, негромко бросил Нэшар.

Я похолодела, припомнив, как долгое время в детстве удивлялась, почему во дворце у прислуги так часто встречаются невероятно зеленые, удивительно красивые глаза.

Некоторое время я даже всерьез переживала из-за невыразительной серости своих глаз, ничуть не похожих на так восхитившую меня изумрудную зелень.

Первые детские комплексы, оказывается, во мне взрастили полукровки эва.

Мало кто замечал слуг, и совсем уж единицы остерегались обсуждать дела в их присутствии.

Такая самоубийственная беззаботность…

– Значит, вы знаете больше меня.

– Очевидно, – согласился Ксэнар и замолчал.

Тишина была тревожной, но недолгой и завершилась совершенно невероятным признанием.

– Ко мне приходила Агнэ, – сказал царь. – Не знаю, чем ты очаровала мою дочь, но она просила за тебя.

– Правда?

– Я хотел вывести тебя к людям, – заметив, как я встревоженно подалась вперед, желая сказать, что это будет равносильно убийству, Ксэнар жестом велел мне молчать. – Люди живут не только по эту сторону гор. Мы торгуем с некоторыми северными племенами, с посредниками из Серебряного города… Они приходят к нам из земель, что лежат за Поднебесными великанами. Там есть целый мир, частью которого ты можешь стать.

– Но? – несмело спросила я. Возможно, это было его решением еще вчера, и даже ночью Болотный царь был уверен, что в скором времени избавится от проблемной принцессы, передав заботу о ней людям. Уничтожив тем самым все планы Ариса.

А потом на поклон к нему пришла любимая дочь и все переменилось.

– Если пожелаешь, я все еще могу отправить тебя в Серебряный город. Через восемь дней прибудут купцы с товаром на обмен и продажу. Или можешь остаться в моем доме, под моей защитой. Единственное, что от тебя требуется – ограждать Агнэ от необдуманных поступков. Ты ей нравишься, возможно, хотя бы у тебя это получится.

– Хотите сделать меня здравым смыслом своей дочери? – недоверчиво уточнила я.

– Пока у нее не появится свой.

– И вы готовы доверить Агнэ незнакомому человеку? – Я замолчала, пытаясь понять, что именно смущает меня больше всего. Когда поняла, не смогла удержаться от удивленного восклицания: – Согласны доверить ее человеку?!

– Если это поможет усмирить Агнэ, – кивнул Ксэнар. И, не дав мне толком все обдумать, нетерпеливо спросил: – Твой ответ?

Я даже с мыслями собраться не успела, а он уже требовал, чтобы я решила свое будущее. Вот так просто…

Если бы не договоренность с Арисом, я бы сейчас пребывала в ужасе.

Но договоренность существовала, а это значит, выбора, столь щедро предоставленного Болотным царем, у меня по сути и не было. Маг обещал мне месть, и, чтобы это свершилось, я должна была остаться здесь. В Зыби.

Но дать свой ответ я не успела.

Одна из дверных створок распахнулась, заставив меня вздрогнуть, а Ксэнара поморщиться.

– Почему собрались без меня? – весело спросил стоявший на пороге Сэн.

– Мне казалось, тебя не интересуют дела поселения, – сухо заметил царь. – Несколько дней назад ты покинул зал советов, последовав за моим отрядом и бросив все на Ллэт. Не скажу, что она была этим довольна.

– Правда? – опасливо уточнил Сэн, растратив большую часть своего энтузиазма.

– Ты ее еще не видел? – с каким-то издевательским равнодушием поинтересовался Ксэнар у своего вмиг погрустневшего брата.

– У меня целы все кости, – огрызнулся тот, – как ты думаешь?

– Хм-м-м…

Долго переживать из-за того, что может случиться, этот странный эва не умел. Уже через несколько мгновений, смирившись со всем, что его ждет, Сэнар с беспечным видом рухнул на соседний с моим стул, отчего деревянные ножки со скрипом проехались по полу.

– И что вы здесь обсуждаете?

– Мое будущее. – Унылый тон ответа заинтриговал эва.

– И что же, мой негостеприимный брат желает поскорее от тебя избавиться? – спросил он. Сэн хорошо знал Ксэнара и даже не сомневался в правильности своего предположения, а потому, не дав мне сказать и слова, радостно сообщил: – Но если у тебя сейчас нет сил для путешествий и новых знакомств, я с удовольствием возьму на себя заботу о благополучии такой прекрасной гостьи.

– Правда? – с сомнением спросила я. – С чего бы это?

Царь в серьезности слов Сэнара не сомневался и просто утомленно прикрыл глаза рукой.

– Ты же принцесса! – с укором напомнил эва. – А принцессы у нас еще не гостили. Все больше каторжники да люди, ищущие лучшей доли… или смерти. Или девицы из соседних людских деревень, что от замужества бежали. Но это все не то…

– И все же, на вопрос вы не ответили. Чем я обязана такой чести? – спросила хмуро. Рядом с этим эва я чувствовала себя своей нянюшкой. Вечно недовольной,

строгой, подозревающей подвох в каждом слове.

Впрочем, думаю, рядом с Сэнаром любой бы чувствовал себя серьезным сухарем, никогда не знавшим, что такое веселье.

– Ну как же ты не понимаешь? – сокрушенно вздохнул он. – Я, как исключительный ценитель твоей дивной красоты и интересной неоднозначности нового статуса, просто не мог остаться равнодушным к твоей беде.

Я подозрительно смотрела на эва, повернувшись к нему всем корпусом. Дивной красоты, как же – видела я сегодня свое отражение… придумал бы что-нибудь более правдоподобное.

Сэн улыбался.

– Ну так что скажешь, прекрасная принцесса? – спросил он легко и весело.

И от этого, казалось, совершенно простого вопроса защемило сердце и перехватило дыхание. Перед глазами все поплыло.

Глупее причины для слез невозможно было и придумать. Я же так долго держалась, мне почти удалось. Но веселье в голосе эва и этот вопрос, который я так часто слышала от брата, всколыхнули слишком много воспоминаний за раз.

И о том, как мы в детстве воровали яблоки… Радан был на два года старше меня и на пару дюймов ниже – конечно, со временем он вытянулся, стал на голову выше меня, раздался в плечах…

И о том, как он втайне ото всех учил меня стрелять из лука и ездить в мужском седле.

И о том, как об этом узнала мама.

И о том, как мало ценила я все, что у меня было…

Не сразу я поняла, что не так, почему Сэн перестал улыбаться, а царь подался вперед, с недоверием вглядываясь в мое лицо. Заволновались совы, и Нэшар

зашептал им что-то успокаивающее.

По щекам текли теплые слезы, щекоча кожу. Осторожно коснувшись лица, я стерла влажный след и затаила дыхание, с ужасом разглядывая пальцы.

Лет в тринадцать, тайком пробравшись в оружейную, я хорошенько распорола ладонь одним из мечей, неудачно схватившись за лезвие. Тогда на руку, красную от крови, я смотрела с таким же ощущением непоправимой, уже свершившейся беды: несколько мгновений просто стояла в оцепенении, наблюдая за тем, как собранная в горсть ладонь быстро наполнилась кровью, а на пол щедро капало. Тогда я измазала подол платья, будто в насмешку белого и очень маркого, и хорошенько пропитала собственной кровью широкий манжет, окрасив мелкий жемчуг вышивки розоватыми разводами. Лишь спустя некоторое время, окончательно осознав, что сама по себе кровь не остановится, почти теряя сознание от ужаса, я бросилась искать помощи. У брата.

А совсем недавно видела, как его голову отделили от тела широким лезвием секиры…

Сдерживаться дальше уже просто не было сил.

Я разрыдалась.

Совы всполошились, встревоженно заворчали, вытягивая шеи и хлопая на меня рыжими глазами. Сэн потерянно молчал, чем занимался царь, я не видела, спрятала лицо в ладонях, с отчаянием понимая, что не могу успокоиться.

Стакан мутного стекла, до краев полный водой, мне в руку вложил Ксэнар, силой отняв ее от моего зареванного лица.

– Что не так? – тихо, даже ласково, спросил он. Будто с напуганной лошадью разговаривал или с собакой. – Сэн, конечно, дурак, каких поискать, но обидеть тебя ему было нечем. Так почему ты плачешь?

Сжав мои пальцы на стакане, Ксэнар не отпустил сразу, уверенный, что сама я его не удержу. И был прав.

Я сейчас мало что понимала, почти не чувствовала прохладной гладкости стекла и тепла широкой ладони, и когда от очередного судорожного всхлипа рука моя дернулась, а вода расплескалась – этого даже не заметила.

– Я не специально, – пробормотала сипло, продираясь сквозь сдавивший горло спазм. – Простите.

– Пусть выплачется, – посоветовал издалека пастух. – Видно же, давно копилось.

– Когда ты стал знатоком людских душ? – резко спросил Сэн, не знавший, что делать, и, кажется, чувствовавший себя виноватым.

– Я всегда был внимательнее тебя, – беззлобно отозвался Нэшар.

Меня будто штормило, приступы судорожных рыданий накатывали приливной волной, топили меня, но неизменно отступали раньше, чем горе успевало полностью поглотить сознание. В попытке попить я расплескала воду по груди, коленям и Ксэнару и разрыдалась сильнее.

– Понятно, плохая идея, прости, – пробормотал он, убирая стакан.

Поставив его на пол, где-то рядом с ножкой стула, Ксэнар осторожно отнял и вторую руку от моего лица, которую сама я почему-то убрать не додумалась.

– Может, Ллэт позвать? – храбро предложил Сэн. – Она женщина, должна знать, что происходит.

– Сама успокоюсь! – истерично рявкнула я.

И не успокоилась.

Все полчаса моих неукротимых рыданий Ксэнар просидел на полу, держа мои руки в своих. Успокаивало это не очень сильно, но я была ему благодарна.

Под конец, затихая, я утомленно сгорбилась на стуле, отупело слушая, как ухают совы, все это время переживавшие вместе со мной.

Внутри впервые за последнее время было пусто. Непосильная тяжесть спала с моих плеч, оставив после себя лишь холод и горькое ощущение одиночества.

Пусть горе мое останется со мной навсегда, но самое страшное я пережила… на глазах у эва.

Как ни странно, стыдно мне не было.

– Если вы еще не передумали, я бы хотела остаться, – проговорила сипло, вытирая дрожащими руками покрасневшие мокрые щеки. В этот момент я не помнила о мести, об обещании, данном магу, и нашем уговоре, я просто чувствовала, что здесь мне будет лучше, чем в любом другом месте. Раз уж эва сумели пережить мои слезы, то и все остальное переживут. – С Агнэ мы поладим.

ГЛАВА

III

. Прекрасный принц

Несмотря на мое самоуверенное заявление, реакции Агнэ я боялась. Не была уверена, что мы правда поладим, и за завтраком, где все должно было открыться царевне, чувствовала себя потерянной и в чем-то виноватой…

Девочка меня удивила, прогнав все тревоги.

Такой искренней и горячей радости на признание, что теперь являюсь ее нянькой, я просто не ожидала.

Агнэ взвизгнула, подскочила, хлопая в ладоши, и на несколько секунд сжала меня в крепких объятиях, чуть не столкнув со стула, на котором я сидела.

– Это же чудесно!

– Чудесно… – повторила я заторможенно, беспомощно косясь на Сэнара.

Тот сидел напротив меня за накрытым столом и даже не пытался скрыть широкую, совсем не сочувственную улыбку.

Ксэнар восторгов Агнэ не понимал, но дочь свою к порядку призывать не спешил, позволив ей вдоволь меня потискать.

Кажется, мне удалось выполнить наказ Ариса и в кратчайшие сроки расположить к себе местную царевну. Хотя заслуги моей в том не было, я ничего не сделала, чтобы Агнэ, как сказал Ксэнар, мною очаровалась.

Мы и знакомы-то были всего несколько дней.

Ей хватило.

Царевна разжала объятия неохотно, медленно, села на свое место и судорожно вздохнула, топя меня в своем восторге. Я предпочла сделать вид, что не замечаю странного сияния ее глаз, как не замечаю хмурого выражения лица Ксэнара. Не ожидавший такого восторга со стороны своей дочери, царь был несколько озадачен, сбит с толку и обеспокоен.

В просторной столовой воцарилась недолгая неоднозначная тишина, в которой смешались радость и тревога, и нарушил ее подрагивающий от счастья голос Агнэ.

– Что мы будем делать? – спросила она. – Сначала нам, наверное, нужно на торговую площадь, у тебя же совсем вещей нет. А потом я покажу тебе свои любимые места! И…

– Агнэ, – позвала я, желая хоть немного усмирить ее энтузиазм. Пусть она права и вещей у меня действительно нет, это же не повод бежать за ними прямо сейчас…

Агнэ считала, что повод.

– Отец! – она была полна взрывоопасного восторга. – Можно мы…

– После завтрака, – прервал ее горение Ксэнар.

Девочка приуныла, но быстро осознала, что завтрак – это ненадолго, зато потом я буду вся в ее власти, приободрилась и заработала ложкой с удвоенным энтузиазмом.

Я радости царевны не разделяла, на знакомую еду, вроде вареных яиц или подтаявшего в тепле сливочного масла, смотрела с удивлением, на незнакомую – с подозрением. И ела медленно, неохотно, тщетно стараясь пробудить аппетит.

Бусины из волос я выплела еще утром, но все равно то и дело, забывшись, нервным жестом проводила ладонью по спутанным прядям, желая удостовериться, что в них ничего больше нет.

***

Как бы я ни желала отсрочить неизбежное, завтрак закончился и меня потянули прочь из безопасного царского жилища.

Сэнар увязался следом, объяснив это заботой о племяннице.

Я не возражала, даже радовалась его присутствию: несмотря на туфельки Агнэ, которые мне почти не жали, и ее легкую накидку, скрывавшую мое грязное платье, я чувствовала себя неловкой и жалкой, и лишь присутствие жизнерадостного эва позволяло держаться достойно.

Я шла рядом с ним по широкой улице мимо местных жителей, домов и лавок и старалась совсем уж не горбиться под тяжестью своей судьбы.

Каменные здания с переменным успехом боролись с легким налетом плесени – где-то ее было меньше, где-то больше, на постройках, о которых хозяева заботились с особым усердием, не было вообще. Деревянные дома даже не пытались как-то противостоять этакой напасти, задорно зеленея под усталым солнцем. Кое-где плесень теснил пушистый, жизнерадостный мох, и это противостояние рисовало причудливые и очень красивые узоры на бревенчатых стенах.

Небо хмурилось, тонкая пелена скорой непогоды лениво наплывала на светило. Со стороны гор на нас надвигались тяжелые низкие тучи, полные нерастраченной воды.

Погода обещала пролить на эти земли дождь… будто так влаги здесь было недостаточно.

Агнэ шагала чуть впереди, важно указывая путь, я же шла рядом с Сэнаром и просто гордилась, что смогла удержаться и не ухватиться трусливо за рукав его рубахи.

Казалось, что все прохожие смотрят только на меня, на неопрятную и наспех умытую выданную топями головную боль их царя. На самом деле, конечно же, это было не так. Я не вызывала у местных особого интереса, поселение было немаленьким, и люди, судя по всему, здесь редкостью не считались: на своем коротком пути от дома Ксэнара до торговой площади мне повстречались три человеческие девушки – две смешливые блондинки и невозможно рыжая особа, спешившая куда-то по делам.

Вероятно, мои неоправданные и смешные переживания со стороны выглядели как-то совсем уж безрадостно. Сэнару быстро надоело мое сосредоточенное лицо и затравленный взгляд.

– Никто не знает, что в наши края занесло принцессу человеческого королевства, – ответил он на не заданный мною вопрос. – Брат запретил о тебе говорить, пока твоя судьба не будет решена. Сегодня вечером, конечно, ты станешь главной темой… но пока можешь чувствовать себя комфортно.

Если он считал, что это меня приободрит… просчитался. Я почувствовала себя совершенно несчастной и нахмурилась.

Сэнара совсем уж помрачневший вид его спутницы не устраивал.

– Прекрати!

– Что? – растерянно спросила я.

– Хмуриться прекрати. Улыбнись! Я понимаю, что ты многое пережила, но это же не повод отказывать себе в маленьких радостях. – Сэнар улыбнулся, показывая, как это делается. – Давай, оглянись. Почувствуй этот день.

Я лишь сильнее нахмурилась, не понимая, чего он от меня хочет, – разве я не этим сейчас занималась? Не крутила безостановочно головой, опасливо осматриваясь и боясь встретиться с кем-нибудь взглядом?

– Ну? – настойчиво поторопил он. Я решила не спорить, послушно попыталась поймать мгновение и насладиться им. Возможно, у меня бы что-нибудь даже вышло, не испорти все нетерпеливый эва.

– И улыбнись наконец. Напоминаешь моего брата.

И весь мой возможный оптимистичный настрой улетел в пекло.

– Что?

– Ксэнар точно с таким лицом все время ходит. Словно веселиться – это сложная наука, которой он не обучен… а ведь когда-то его даже рассмешить можно было. И куда все девалось? – Сэнар сокрушенно покачал головой.

– С ним что-то случилось? – полюбопытствовала я, ожидая услышать какую-нибудь душераздирающую историю о том, как развеселившегося царя чуть не съело какое-нибудь болотное чудовище. Как самому Ксэнару удалось сбежать, а вот его чувство юмора спастись не смогло.

– Случилось, – кивнул Сэн. – Жена умерла.

– О… – Я сбилась с шага. Стало стыдно за свои глупые мысли.

Что в таких случаях принято говорить, я не помнила. Чужое горе для меня всегда было худшим наказанием.

Я не имела представления, как со своим справиться, что уж о чужом говорить…

Эва не ждал от меня никаких банальных слов сочувствия.

– Я расскажу. Об этом все знают, и ты должна. – Чуть придержав меня за локоть, позволяя своей энергичной племяннице вырваться вперед еще на несколько шагов, он тихо заговорил: – Нэна умерла родами, когда Агнэ было четыре. Брат ждал сына, наследника. Не дождался. Ребенок родился мертвым.

– Он ее очень любил? – неловко спросила я. Мертворожденные дети, выкидыши и прочие трагические завершения беременности во дворце случались нередко. Утонченные аристократки, затянутые в корсеты, казалось, даже ночью, с трудом могли разродиться. И ни один лекарь не был в состоянии побороть природу… Вероятно, лекари эва также не были достаточно сильны.

– Нет. Они женились по велению рода

. Такое случается редко, но, если повеление было озвучено, его уже не оспорить.

– Даже царю? – недоверчиво уточнила я.

– Даже царю. Предкам не перечат, – подтвердил эва. И цинично добавил: – Повеление предков оказалось для всех нас большой удачей.

– Это в каком смысле?

Сэнар странно покосился на меня, словно раздумывая, стоит ли со мной совсем уж откровенничать. После недолгих размышлений пришел к выводу, что все же стоит.

– Пожалуй, тебе будет полезно узнать… Человеческие девушки бывают излишне легкомысленными, из-за этого случаются большие проблемы, – сказал он. Слова его мне не очень понравились, но продолжил Сэнар раньше, чем я успела возмутиться. – Мы сильно привязываемся. Со временем связь в паре становится лишь крепче… Ксэнара спасло то, что Нэн он не любил, иначе, лишившись царицы, в скором времени мы могли потерять и царя.

– Все так серьезно? – пораженно пробормотала я.

– Не думаю, что ты сможешь представить насколько. – Сэн внимательно посмотрел на меня. – Но прошу, будь осторожной в общении с эва. В отличие от людей в чувства мы не играем.

Об особенностях местных жителей, в частности об их болезненной привязанности, я слушала с ужасом. И то, что Сэн не считал все это чем-то плохим, поражало меня больше всего. Для эва нездоровая привязанность, даже зависимость от партнера, была нормой, они умудрялись как-то с этим жить…

И не просто жить, но даже создавать семьи с залетными представителями человеческого рода.

– Хотя с людьми сложно, – признался Сэнар. – Время очень часто убивает вашу любовь.

– Случается, – вздохнула я. – А можно вопрос?

– Задавай.

– Если у вас такая… особенность, то зачем вы рискуете и связываетесь с людьми? Не безопаснее ли было бы держаться от нас подальше?

Сэнар пожал плечами.

– Это полезно. Дети от межвидовых союзов сильнее и выносливее. И не так подвержены нашим неприятным слабостям.

– Не так привязчивы?

– И это тоже. – Он улыбнулся. – Тебя ведь что-то еще беспокоит?

Я не нашла причин таить свои переживания. Раз уж он такой дружелюбный, общительный и готовый все мне объяснить… что ж, пусть объясняет.

– Я не понимаю, как ваш царь мог так просто доверить мне Агнэ. В смысле, раньше, конечно, я была очень располагающей, люди меня любили, но… но как можно так просто вверить свою дочь в руки незнакомой девицы?

– Думаешь, нельзя?

– Нет, – решительно рубанула я. – Особенно после того, что вы мне рассказали.

– Ты пыталась спасти Агнэ от насыти. Да, поступок в высшей степени глупый и бессмысленный, вас бы обеих съели. Но ты рискнула, хотя могла сбежать.

– Насыть это которую обезглавили?

Сэнар кивнул.

Я неопределенно пожала плечами. Могла сбежать и даже хотела… вот только с чувством самосохранения у меня были явные серьезные проблемы. И только бешеное везение все еще не позволило мне распрощаться с жизнью…

– Агнэ всегда была энергичной. Излишне любопытной, неоправданно безрассудной… – Эва вздохнул. – Вся в отца.

– Непохоже, чтобы царь позволял себе необдуманные поступки, – осторожно заметила я.

– Статус обязывает. Знала бы ты его в детстве. – Сэнар рассеянно улыбнулся, но долго вспоминать прошлое себе не позволил. – Впрочем, речь не о нем. Ни одна… как вы их зовете… гувернантка? Ни одна гувернантка не продержалась рядом с Агнэ дольше полугода. Она сбегает из-под их присмотра, досаждает мелкими проказами, не слушается.

– Она не похожа на избалованного ребенка, – пробормотала я, подозревая, что эва пытается меня запугать.

Оказалось, Сэнар так своеобразно предупреждает.

– О нет. Это не про Агнэ. Просто каждая ее… гувернантка подбиралась Ксэнаром для будущей царицы. Для той, кем была его жена и кем, по мнению моего невнимательного брата, надлежало стать его дочери. Ксэнар не хочет видеть, как много девочка взяла от него, и совершает множество ошибок.

– Ну так открыли бы ему глаза на правду.

Эва становилось все больше, Сэн неотрывно следил за плывущей среди живого потока племянницей и не находил возможности посмотреть на меня. Потому его театральный вздох, не подкрепленный страдальческим взглядом, почти не произвел на меня впечатления.

– Знала бы ты, сколько раз мы ссорились из-за этого. Ксэнар не желает видеть очевидного.

Болотный царь не выглядел как тот, кто умеет ссориться, он даже не очень походил на эва, способного повысить голос… зачем такие сложности, если можно просто жутко глянуть, не тратя силы на ругань? Но его брат утверждал, что в Ксэнаре много эмоций и чувств, которые он порой даже демонстрирует. Говорил об этом Сэн с такой уверенностью, что сомневаться в правдивости его слов было почти невозможно.

– И чем я могу помочь? – За рукав рубахи Сэнара я все же ухватилась, чтобы меня не отнесло в сторону от эва и не закружило в суетливом потоке.

– Просто оставайся собой, принимай восхищение Агнэ и постарайся смирять ее опрометчивые желания.

– Как, например, идея выбраться из топей… Зыби и посмотреть, как живут люди?

Сэн улыбнулся, кивнул, ни на миг не выпуская Агнэ из поля зрения, и легко отцепил от своего рукава мою руку, крепко сжав вялую ладошку теплыми пальцами.

– А ты схватываешь на лету.

– Но если моего авторитета будет недостаточно?

Он фыркнул.

– Недостаточно? Не слышала ты, с каким восторгом Агнэ рассказывала о тебе и о вашей встрече, иначе бы в себе не сомневалась.

– И все же…

– Забудь про неуверенность! – отрубил он. – А теперь прекрати хмуриться и сделай воодушевленное лицо, к нам идут.

Сэнар был прав, Агнэ, которой надоело одиночество, спешила вернуться.

– Ну и медленные же вы, – возмутилась она, зацепившись за свободную руку своего дяди. – Пойдемте скорее, у нас впереди столько дел!

– Столько дел, – эхом отозвался Сэнар голосом, лишенным всякого энтузиазма, так отчетливо звеневшего в словах его племянницы.

Толпа схлынула неожиданно, вдруг, позволив мне на одно короткое мгновение увидеть, как широкая улица упирается в ту самую торговую площадь. Полную товаров, смеха и громких разговоров.

Этот день позволил мне сделать сразу несколько открытий.

Во-первых, покупать готовые наряды куда интереснее, пусть и сложнее, чем заказывать личный гардероб у модистки.

Во-вторых, Сэнар может быть терпеливым и смирным, если поблизости находится его полная восторга племянница.

В-третьих, племянница эта может быть страшнее стаи модисток, которых я недолюбливала и боялась с самого детства.

Наряды эва пришлись мне неожиданно по вкусу. Отсутствие корсетов и пышных юбок делало их одежду невероятно удобной и приятной, а уж наличие женских брюк, предназначенных не только для верховой езды… Я еще очень многого не знала об эва, но они мне уже нравились. Не мог быть плохим народ,

придумавший такую замечательную и удобную одежду.

***

Когда Сэнар говорил, что я стану главной темой вечера, вероятно, мне стоило не игнорировать это предупреждение и как-то подготовиться к тому, что ждало меня впереди… чтобы не удивляться, когда посреди ночи мне на живот свалится огромная и тяжелая жаба.

Проснулась я от сильного удара под дых, заполошно взмахнула руками, взбрыкнула, путаясь в одеяле, и замерла, встретившись взглядом с хорошо видной на светлой ткани жабой.

Дождь, который я ждала весь день, обрушился на нас только ночью, и, готовясь ко сну, я открыла окно, чтобы слушать, как лениво шуршит на улице непогода.

Так и уснула с открытым окном.

Дождь кончился, тучи освободили небо и позволили луне любопытно заглянуть в мое окно.

В комнате было прохладно и тянуло сыростью, но важным сейчас было не это…

Сначала я не поверила своим глазам. Потом жаба открыла широкую пасть и хрипло спросила, переползая мне на грудь:

– Ты, что ли, принцесса?

Разговаривающая жаба… Пожалуй, это был уже перебор.

Я взвизгнула, подскочила на постели, скинув тяжесть с груди на колени, и замолотила ногами, желая сбросить ее на пол.

– Успокойся! – рявкнула жаба, лишь чудом удержавшись на одеяле. Я покорно замерла, пораженная властными интонациями, проскользнувшими в жабьем голосе. Несколько мгновений она копошилась, стараясь перевернуться со спины. Прикасаться к ней я опасалась, потому осталась преступно безучастна и

помогать не стала.

Справилась жаба сама.

Я беззастенчиво таращилась на бурую невидаль, дыша через раз.

Доводилось мне слышать о землях на южной границе нашего королевства, где магический фон был так высок, что люди и животные, обитавшие в тех краях, претерпели невероятные изменения. Все исследователи, отправлявшиеся туда для изучения столь необычных воздействий магии на живой организм, так ничего выяснить не смогли, но после возвращения прожили недолго. Угасли за считаные годы.

Ходили слухи, что повинны в высоком магическом фоне тех земель были маги. Официальная же версия утверждала, что всему виной какие-то глубинные магические потоки, которые были высвобождены из-за череды землетрясений.

Конечно, отец знал настоящую причину, возможно, ее знал даже брат, как наследник и будущий король, мне же открывать правду не посчитали нужным.

И вот сидела я в комнате, которую готовилась с полным правом считать своей, и разговаривала с существом, на которое явно было произведено магическое воздействие… И не знала, как на это реагировать!

– Успокоилась? – деловито спросила жаба.

– Вы разговариваете, – сипло озвучила я очевидный, но очень тревожащий меня факт.

– Поразительная наблюдательность, – едко отозвалась жаба и раздраженно раздула щеки. Что бы это ни значило у обычных жаб, у этой явно свидетельствовало о недовольстве. – Хотя умной ты быть и не должна.

– Чего?!

– Целуй меня! – вместо объяснений потребовала жаба, поспешно сдувая щеки. Желала, видимо, принять благообразный вид. Зря старалась.

– Чего? – повторила я растерянно.

– Ты прекрасная принцесса, я неотразимый принц, проклятый злой колдуньей, и лишь твой поцелуй способен снять с меня это проклятие. – «Неотразимый принц», переполненный эмоциями, длинно квакнул. – Ты не представляешь, сколько я ждал тебя!

– Ждал меня, – протянула я задумчиво. Что ж, самка оказалась самцом. Стукнутым на всю голову, свихнувшимся от переизбытка магии, наглым самцом. – И зачем? У вас же тут прямо под боком настоящая царевна живет. Ее бы и по…

– Ты сказки, что ли, не читала никогда? – возмутился жаб. – Нужна принцесса, и все тут!

– Все зависит от перевода, – не согласилась я. – Вот подарили мне как-то послы из Сиветага переведенную с их наречия специально для наших земель книгу, так в ней титул правителя перевели как «король», хотя на их наречии он звучит как «кесарь».

– Выпендриться решила? – мрачно спросил жаб.

– Я всего лишь хочу сказать, что нельзя исключать возможность…

– Пробовали мы! – прервал меня он. – Не получилось ничего. Не расколдовался я. Значит, нужна принцесса.

Я с сомнением посмотрела на «принца». С одной стороны, Агнэ была похожа на ту, что не побрезгует поцеловать жабу, даже столь необычного красного цвета, с другой – едва ли она стала бы терпеть такое хамство от земноводного.

И либо с ней жаб был кротким паинькой, либо кто-то здесь безбожно врал…

– Целуй меня, женщина! – властно квакнул возможный обед. Брат мне рассказывал, как в некоторых западных государствах жаб едят. Вроде как традиционное блюдо…

И сейчас одно такое блюдо пыталось мне приказывать…

Зря он так.

– Знаете, кажется, я понимаю, за что вас в жабу превратили, – призналась я, осторожно подхватив его под лапками. Пусть свой статус и прилагающуюся к нему власть я и потеряла, но все еще очень не любила, когда на меня смотрели со снисхождением и пытались командовать.

Он не сопротивлялся, он был уверен, что на руки я его взяла с единственной целью – чтобы поцеловать.

Когда я выбралась из постели, с трудом удерживая огромную тушу на вытянутых руках, жаб все еще ничего не заподозрил. Доверчиво свесив задние лапки и с предвкушением глядя на меня.

Осознал заколдованный хам всю жестокость реальности, лишь когда оказался на полу коридора перед закрытой дверью.

Отерев руки о новенькую сорочку, все еще ощущая на ладонях непривычное тепло сухой жабьей кожи, я с чувством выполненного долга вернулась в постель.

В коридоре некоторое время гневно квакали. Негромко, опасаясь разбудить кого-нибудь из эва, живущих на этаже. А как я знала, кроме меня и Агнэ тут также обитал Ксэнар со своим общительным братом. И периодически ночевала Ллэт, которую, на счастье Сэнара, в первый же день его возвращения вызвали в соседнее поселение. Кого-то из эва серьезно ранили на охоте, и лекарь, закрепленный за теми территориями, не справлялся.

Так я и узнала, что помимо этого поселения, которое, не покривив душой, можно было бы и городом звать, есть еще с десяток (это не считая рабочих деревень, раскиданных по всей Зыби) и что в болотах опасность подстерегает не только людей и маленьких девочек, но и охотников. После того как я видела, насколько легко Ксэнар справился с насытью, мне почему-то казалось, им тут вообще ничто не страшно.

Как выяснилось, страшного в Сумеречных топях хватит с лихвой на всех.

Жаб возмущался недолго и в скором времени ускакал, оскорбленный, но не побежденный.

***

Утром я не смогла подняться с кровати.

Болело все. Ноги, спина, голова и даже горло. Легкая температура изматывала своей неопределенностью: с одной стороны, она была недостаточно высокой, чтобы о ней беспокоиться, с другой – нормальной она тоже не была.

– Ну как же ты так умудрилась? – сокрушался Сэнар после осмотра.

Его на помощь позвала Агнэ, когда утром зашла за мной, чтобы вместе спуститься к завтраку, обнаружила, что я даже из кровати выбраться не в состоянии, и тут же бросилась к своему дяде.

А тот, уверенный, что знаний ему хватит, вызвался лично меня лечить, игнорируя вялые протесты своей неожиданно обретенной пациентки.

– Мне это радости не приносит, – просипела я подавленно. – Ненавижу болеть.

– Сегодня я хотел показать тебе Утопленницу, – не слушая меня, продолжил жаловаться Сэн. – Восхитительное зрелище.

– Не надо мне утопленниц показывать! – всполошилась я. Закашлялась и сдавленно, сквозь кашель, призналась: – Я боюсь мертвецов.

– Утопленница, принцесса, это река, – проворчал эва, помогая мне сесть. Погладил по спине, каким-то неведомым образом смиряя кашель. – И она крайне… живописна.

– Название…

– Полностью отражает суть. Здесь недалеко есть заводь, каждый год мы находим в ней какого-нибудь человека. Чаще уже утонувшего, но бывают и приятные сюрпризы.

– Знаете, мне не очень хочется на нее смотреть. – Моя богатая фантазия уже подкинула мне незабываемую картину, не пожалев на нее красок: я стою на берегу реки, светит солнышко, в листве деревьев звонко перекликаются птицы, а ленивый речной поток гонит мимо меня раздувшееся тело очередного утопленника…

– Напрасно, – сказал Сэнар. Больше он к этой теме не возвращался. Только нудным голосом велел мне соблюдать постельный режим (будто я могла бы сама подняться и куда-то пойти), отдыхать, не думать о плохом и пить все, что мне принесут.

Я его слушала, кивала и грустно размышляла о том, что до уборной в случае надобности я смогу добраться только ползком.

– Завтрак тебе принесут, – под конец пообещал он. – Я распоряжусь.

И ушел.

Минут через пятнадцать улыбчивая девушка принесла поднос с едой. Больной мне предстояло съесть какую-то странную кашу не внушающего доверие зеленоватого цвета, заботливо порезанные фрукты… по большей части знакомые, и выпить огромный стакан чего-то желтого и пахнущего лугом. Отвар на вкус оказался весьма неплох. Кто-то расщедрился и от души сдобрил его медом.

Еще через полчаса в комнату ворвалась хмурая Агнэ.

Я как раз успела размазать кашу по тарелке ровным слоем и не знала, чем еще себя занять.

– Что-то случилось?

– Я хотела позавтракать с тобой, но отец запретил, – пожаловалась она.

– Со мной? Зачем?

– Ну как же? Тебе же одиноко! – В голосе ее было столько наивной веры в то, что последние сорок минут я буквально изнывала от одиночества и скуки… я просто не смогла ей признаться, что совсем неплохо провела время.

Полежала в мягкой постели, наслаждаясь тишиной и покоем, буквально купаясь в ленивом умиротворении, – очень давно я не могла отдохнуть, побыть наедине с собой, просто не думать ни о чем, не переживать и не бояться.

– Можно задать тебе вопрос? – поинтересовалась я, забыв ответить на ее улыбку.

Агнэ посмотрела на меня с подозрением, но кивнула. Села в изножье кровати и приготовилась… судя по всему, оправдываться.

Подавить смешок удалось с трудом – часто, видимо, она тут правила нарушает, раз любой намек на серьезный разговор заставляет ее приготовиться к бою.

– Почему ты так хорошо ко мне относишься? – спросила прямо, не имея сил и терпения на долгие подводы к важной теме. – Я же ничего для тебя не сделала.

Ксэнара удивило то, как легко я добилась расположения царевны, значит, бросаться с объятиями на первого встречного было не в ее характере. И чем я могла заслужить ее расположение, было непонятно.

Агнэ расслабилась, но вздохнула тяжело, будто ее уже заставляли отвечать на этот вопрос.

И кто знает, может, и заставляли. Едва ли царь так легко принял новость о том, что его дочь столь быстро мною очаровалась.

– Сделала, – сказала она. – Там, в лесу, когда я совсем заблудилась, на моем пути появилась ты.

– И все? – удивилась я.

Она фыркнула.

– И все сразу наладилось.

На одно короткое мгновение я почувствовала себя талисманом. Посеребренным треугольником на кожаном шнурке, какие обычно заговаривали на удачу…

Неужели все так просто? Открытый взгляд царевны не позволял сомнениям зародиться.

Может, и так. Много ли нужно ребенку?

Она смотрела на меня, терпеливо ожидая следующий вопрос, которого у меня не было.

– А твой дядя грозился отвести меня смотреть на Утопленницу, когда выздоровею, – невпопад сообщила я, чтобы как-то заполнить тишину.

Агнэ мгновенно оживилась. Глаза ее засветились уже знакомым азартом.

Когда в прошлый раз я видела ее такой воодушевленной, мне пришлось исходить всю торговую площадь, заглянуть в каждую лавку и извести себя примерками… и себя, и Сэнара, который успел сто раз пожалеть, что увязался за нами.

– Устроим там пикник!

Мои самые страшные опасения подтвердились – девочка загорелась новой идеей.

Род

– совет, состоящий из предков. Всего предков 9 эва.

ГЛАВА

IV

. Утопленница

Болезнь держалась за меня три дня, и все это время мне было… сложно. Побыть в тишине, наедине с собой, я могла только ночью, во время приемов пищи или в уборной, куда меня исправно таскал Сэнар, с энтузиазмом исполнявший роль моего лекаря.

Остальное время рядом была Агнэ. По моей просьбе она принесла из библиотеки несколько книг, которые, на ее притязательный взгляд, могли бы мне понравиться, но читать их не давала.

Девочке не хватало общения, она бежала от одиночества, о котором я так мечтала…

И мне не оставалось ничего другого, кроме как защищать ее от тишины. Я же вроде как взрослая, я должна.

Агнэ была полна энергии, которую ее отец, ослепленный традициями, пытался сдержать. И чем дольше я с ней общалась, чем больше узнавала, тем отчетливее понимала, что в скором времени нас с царем ожидает серьезный разговор.

Вот только я наберусь сил и смелости… или просто сойду с ума, подкараулю Ксэнара в каком-нибудь тихом месте и с удовольствием выскажу ему все, что думаю о его способах воспитания. Потому что меня воспитывали совсем как Агнэ и ничего хорошего из этого не вышло…

Потом, конечно, придется собирать вещи, мириться с мыслью, что я провалила задание, данное мне магом, и привыкать к тому, что до скончания своих дней я буду жить среди незнакомых людей, на чужой земле по ту сторону гор. Не было во мне уверенности в том, что царь стерпит мою дерзость и не изгонит из своих владений.

Мысль эта пугала, но сияющий взгляд царевны, когда она говорила о нашей скорой вылазке к Утопленнице, не позволял отказаться от затеи.

Я хотела сделать для нее хоть что-то. Хотя бы попытаться открыть Ксэнару глаза на правду.

Иначе вина за то, что я обманываю маленькую доверчивую девочку, сожрет меня, в этом не приходилось сомневаться.

На третий день, ближе к вечеру, когда Агнэ, изнемогая от безделья, просто слонялась по моей комнате, я уже чувствовала себя почти здоровой и восхитительно бодрой и все же осмелилась проявить любопытство:

– Что-нибудь интересное за стенами этого дома сейчас происходит?

Она застыла на несколько мгновений у стола, задумчиво водя пальцем по теплому дереву. Кивнула.

И охотно, как, казалось, делала все на свете, поделилась последними новостями.

– На улицах ходили слухи, что ты не болеешь, а просто прячешься от всех. Вроде как ждешь, когда о тебе забудут. Но тебя никто не осуждает, – поспешно добавила царевна, заметив мое удивление. – Многие жалеют. Говорят, бедная девочка, потеряла все… ну и прочую глупость.

– Ходили слухи? – переспросила я. – Больше не ходят?

– Ну… Сэну надоело, и он потребовал справедливости. Вроде как если его обвиняют во лжи, то пусть скажут это ему в лицо. Никто, конечно, не стал этого делать, так ведь можно и на вызов нарваться.

– На вызов? – Я совсем ничего не понимала, и мое непонимание забавляло всезнающую Агнэ. – Погоди, а Сэнар тут вообще при чем?

– Как же? Он ведь тебя лечит, и он подтверждает слова о твоей болезни, а раз все думают, что это неправда, значит, дядя лжец.

– И если кто-нибудь осмелился бы сказать это ему прямо в лицо, Сэнар смог бы бросить тому эва вызов. – Я нахмурилась. – В смысле, вызов на дуэль?

– Не знаю, что такое дуэль, – мотнула головой Агнэ. – Охота.

– Так они должны кого-то поймать?

– Не они охотятся. На них.

Девочка улыбалась, глядя, как я беспомощно пытаюсь понять смысл ее слов. Ничего не понималось – я слишком мало знала об этом народе, чтобы их традиции были мне понятны.

В конце концов Агнэ сжалилась надо мной и заученными, явно не своими, словами проговорила:

– Разделившие спор уходят в болото на последнюю охоту. На три дня и три ночи они вверяют свою жизнь воле болотной руды, открываясь ей до дна. На четвертый день к воротам выходит только один. Тот, чья правда была подтверждена. Второй навсегда остается в болотах.

Я нервно сглотнула.

Подумать только, такие развитые на первый взгляд создания, а разногласия решают по примеру древних племен.

И где там справедливость? Где честный суд?

Кто сильнее и проворнее… в крайнем случае, хитрее, тот, выходит, и прав.

А жизнь уже не раз мне доказывала, что самый сильный – не всегда правый. В большинстве случаев все как раз наоборот.

– Не бледней так. – По наивности своей Агнэ решила, что я переживаю о Сэнаре. – Дядя же не лгал, так что, даже если бы ему пришлось уходить в болото, он бы вернулся. Но это уже и неважно. Болтать про тебя все равно перестали.

– Это успокаивает, – пробормотала я, кривя душой.

***

На следующий день у меня просто не осталось причин, чтобы и дальше зваться больной.

После завтрака, который мне еще принесли в комнату, Сэнар во всеуслышание объявил о моем чудесном выздоровленье.

Мол, стрессы, постоянное физическое и эмоциональное перенапряжение меня подкосили, но он виртуозно усмирил все мои недомогания и проблемы…

– А если бы ты позволила сделать массаж, я бы поставил тебя на ноги на два дня раньше, – самоуверенно заявил он, когда мы остались наедине.

Я сидела на своей постели, осторожно касалась пятками прохладного пола и задумчиво шевелила пальцами ног. Сэнар устроился на подоконнике распахнутого настежь окна, и легкий ветерок чуть заметно трепал его собранные в хвост волосы.

– И без массажа неплохо вышло, – рассеянно отозвалась я.

– И все же… – попытался возмутиться Сэнар.

Я его перебила:

– Не обижайтесь, но я морально не готова доверить вашим рукам свою спину и свои ноги.

– Не можешь доверить моим – доверила бы Ксэнару, – проворчал недооцененный лекарь. Поймал мой ошалелый взгляд и усмехнулся. – Что так смотришь? Брат умеет, его Ллэт обучала, чтобы он Нэн во время беременности разминал.

– Я и без массажа себя неплохо чувствую.

– Ты просто не знаешь, как бы чувствовала себя после массажа. Но это уже не важно… – отозвался он, спрыгнув с подоконника. – Собирайся, через два часа выдвигаемся.

– Куда это? – опешила я. С самого пробуждения я точно знала, что никаких дел на сегодня у меня не запланировано.

– К Утопленнице. Агнэ очень хочет на пикник, а у меня кончились отговорки.

– Но… прямо сейчас?

– Почему нет? – удивился он. – Прогулка пойдет тебе на пользу. Подбери удобную одежду, об остальном позабочусь я.

Сэнар ушел, а я еще некоторое время просидела на постели, беспомощно глядя на дверь.

Потом попыталась взять себя в руки.

– Ладно, пикник это же совсем не страшно… наверное.

Те пикники, на которых довелось побывать мне, были мучительно скучными и больше походили на отбывание повинности, чем на приятное времяпрепровождение.

Хотелось верить, что у эва все иначе.

С тяжелым вздохом я поднялась с постели, грустно разглядывая угол, заваленный свертками с неразобранной одеждой.

– Ну не в сорочке же мне идти, в самом деле, – пробормотала я, пытаясь решить с какой стороны лучше подойти к внушительной горке обновок, из-за моей внезапной болезни так и пролежавших в углу комнаты все эти дни, – домашние работницы, как их называла Агнэ, предлагали разобрать покупки за меня, но я отказалась. Хотела хоть что-то сделать сама.

Дома мне все интересное запрещалось, мама цепко следила за моим поведением, исключительно в благих целях пытаясь искоренить всю мою самостоятельность. Потому что благородным дамам, особенно принцессам, не подобает что-то делать самим. Все свои силы они должны бросать на то, чтобы держать спину прямо и не падать в обморок из-за слишком тугих корсетов и до смешного маленьких порций еды. Подозреваю, если бы я не знала дорогу на кухню, долго бы не протянула. Но я знала, мне повезло.

Мне вообще очень часто везло. Мама говорила, что я обласкана богиней, не уточняя, правда, которой из трех…

Двух часов мне не хватило. Сэнар заглянул как раз в тот момент, когда я рылась в одном из свертков, пытаясь подобрать подходящую рубаху, сочетавшуюся с уже выбранными штанами.

Сначала я бросилась перебирать платья, блузы и юбки… потратила на это почти час. Потом поняла, что мне теперь не обязательно наряжаться так, как это принято в Зорцесвете, немного поплакала из-за воспоминаний, которые никак не хотели подавляться, и принялась разбирать свертки с неподобающей одеждой: с простыми рубахами, туниками и штанами.

– Еще не готова? – ужаснулся Сэнар, увидев меня посреди разодранных свертков, разбросанной одежды, с безумным видом сравнивавшую две совершенно одинаковые на его взгляд рубахи.

– Почти, – отозвалась я. Протянула к нему руки с зажатой в них проблемой и спросила: – Какую?

Он не думал, даже толком не пригляделся к предложенным вариантам.

– Правую.

Я смело откинула выбранный им вариант в сторону.

– Спасибо.

– И что это было?

– Знаете присказку «Послушай женщину и сделай наоборот»?

Он кивнул.

– Так вот, в обратную сторону она тоже работает. Выйдите, пожалуйста, мне нужно переодеться.

Сэнар послушно, а главное молча, вышел и осторожно закрыл за собой дверь, я еще успела услышать нетерпеливый вопрос подоспевшей Агнэ: «Ну что там?», ответ – уже нет.

***

Я чувствовала себя странно и некомфортно в непривычной одежде. За время, что мы шли по улицам, мимо эва, старавшихся не подавать виду, но все равно с любопытством рассматривавших этакую диковинку – человеческую принцессу, я успела сто раз пожалеть, что не надела платье.

Сорок минут мучительной неловкости закончились у западных ворот, что выводили к лесу. В лес этот вела неширокая дорога, на которой с трудом смогли бы разминуться две лошади.

– А что там?

Сэнар проследил за моим взглядом. Пожал плечами:

– То же, что и здесь. Эти территории, – он кивнул на дорогу, – малопригодны для жизни, но несколько поселений в тех краях все равно образовалось. Говорят, оттуда пошел наш род, там эва и построили свои первые дома, но мне кажется это сомнительным. Земля ненадежная, по сей день в особенно дождливые времена случаются потопы. Хищники, опять же…

Пока я вдумчиво изучала дорогу, слушая Сэнара, Агнэ успела заскучать и самостоятельно отправиться к Утопленнице.

– Не отставайте, – звонко велела она и припустилась по совсем уж незаметной в траве тропинке.

– Куда?! – всполошился Сэнар. – Агнэ! Вернись немедленно! Я кому сказал!

Эва бросился догонять свою сумасбродную племянницу, и мне пришлось поспешить следом, чтобы не потерять их из виду и не потеряться самой.

Воздух звенел от жужжания насекомых, непуганые птицы в горячке охоты проносились совсем рядом, почти задевая упругим крылом плечо или щеку. Высокая трава волновалась под легкими порывами теплого ветра, шуршала и шевелилась, словно живая. Слева от нас, маня тенью, возвышался густой смешанный лес. Справа простиралось зеленое, живое и будто дышащее поле.

Сэнар крепко держал за руку недовольную Агнэ, которой готов был уступить ее самостоятельность на знакомых улицах поселения, но никак не в лесу. Шли они чуть впереди и выглядели премило. Немного отстав, едва сдерживая улыбку, я любовалась семейной идиллией: дядя ворчал, племянница сопела… Солнце припекало.

Хорошо.

Осознала я, что выбор одежды был верным, почти сразу, как мы нырнули в шуршащее зеленое море, где трава легко доставала мне до пояса, и окончательно в том утвердилась, когда мы выбрались в редкий пролесок, чтобы без промедлений нырнуть в густой кустарник.

Чудесное это чувство, когда просто идешь и не думаешь о том, что можешь порвать подол платья, зацепившись за ветку, или чулкам может прийти конец, или сама пострадаешь, запутавшись в подъюбниках…

Счастье мое длилось не больше получаса, потом я начала уставать и отставать. Первое время еще крепилась, уговаривая себя не раскисать, уговоры не помогали.

Агнэ несла большую корзину, будто созданную дли пикников, плечо Сэнара оттягивала дорожная сумка, раздувшаяся от богатства своего нутра, мне приходилось нести только себя саму, но как же сложно это оказалось.

В очередной раз обернувшись, чтобы удостовериться, что я не потерялась, Сэнар имел возможность лицезреть мое покрасневшее, перекошенное лицо, неподобающе закатанные рукава, оголяющие руки до локтей, и совсем уж непристойно расшнурованный ворот рубахи.

Я бы и сапожки сняла, и штаны с удовольствием до колен подкатала, благо наказать за подобное было некому, да только поселившийся во мне страх не позволял этого сделать. Слишком яркой была память о ночи моего побега и неведомой твари, живущей в разлившейся по лесу воде. Мало ли что у них тут еще водится…

Эва мой вид не шокировал, сам он выглядел не пристойнее, разве только не такой красный был и силы имел на издевательские улыбки.

– Держись, принцесса, совсем немного осталось.

– Мы в гору идем, – прохрипела я.

– Ты очень наблюдательна.

– Я больше не могу.

Агнэ с Сэнаром переглянулись, и последний постановил:

– Можешь.

Очень так уверенно он это сказал, что ослушаться просто не получилось.

Пришлось оправдывать веру в меня и ползти на самую вершину, туда, где небольшая поляна уходила в резкий обрыв…

– Смотри. – Скинув сумку в траву, Сэнар лениво разминал плечи, пока я пыталась выровнять дыхание и разогнать черные точки перед глазами, не веря, что мы на месте.

Увидела я то, что хотел показать мне эва, лишь спустя несколько минут, когда отдышалась, а сердце мое немного успокоилось, не стремясь больше вырваться

из груди. И не смогла сдержать восхищенного вздоха.

Мы стояли на обрыве, под нами ревела и пенилась неистовая, порожистая река, а за ней глухой стеной восставал еловый лес, и тянулся он до самого горизонта.

– Красиво? – Не вопрос даже, утверждение, со снисходительной ноткой, позволяющей мне согласиться со словами Сэнара.

– Очень, – выдохнула я.

– А теперь посмотри туда. – Меня развернули налево, указывая на место, где бурный поток сливался с неспешным течением. Они не смешивались во что-то невообразимое, а мирно несли воды каждый в своем направлении. – Здесь две реки расходятся. Я знаю, люди любят думать, что топят своих дев во славу нашего царя в Черноводной, но в действительности все тела в наши земли приносит Утопленница. Черноводная предпочитает топить по-другому.

– Как же? – затаив дыхание, спросила я. Ждала какой-нибудь страшной истории, получила удивленный взгляд и простое:

– Разливается. Выходит из берегов.

– Здесь красиво, потому что мелководье и все видно, – со знанием дела сообщила Агнэ. Она стала рядом со мной, уперев руки в бока и деловито глядя вниз. – А если дальше смотреть, там глубоко, скорость течения так на глаз не определить. Ллэт говорит, потому и гибнет так много людей. Вы на Черноводной помешанные, про Утопленницу ничего не знаете, а она коварная.

– Но откуда… откуда-то же Утопленница начинается. Так почему мы о ней не знаем?

– Потому что ее исток находится в Черноводной. Где-то в топях в реке меняется течение, – признался Сэнар. – У Утопленницы есть конец, но нет начала.

– Это удивительно, – пробормотала я.

– Скажи! – Агнэ была довольна эффектом, что произвело на меня их маленькое чудо.

Мы не находились на вершине мира, я не видела отсюда границы топей или хотя бы поселения эва или пшеничные поля, по словам Сэнара, раскинувшиеся невдалеке от Поднебесных гор, там, где климат был куда суше, чем здесь, но вполне могла все это представить…

– Ладно, идея с пикником была не такой уж плохой, – призналась я на свою беду, помогая Агнэ расстилать плед.

Искренность моя была встречена довольной улыбкой, победным: «Я же говорила!» – и ужасающим обещанием:

– В следующий раз на болота пойдем. Жаб ловить.

– Как жаль, что я не смогу составить вам компанию, – быстро сориентировался Сэнар.

– Мы же еще не определились с датой, – заметила я, отчаянно не желая отправляться на болота без него.

Пускай Сэнар не вызывал особого доверия и часто вел себя несерьезно, но рядом с ним совершенно невообразимым образом было спокойно. Куда спокойнее, чем одной, что, наверное, и не удивительно: он эва, он местный, он эти леса и болота прекрасно знает. На него можно положиться, хоть и с осторожностью…

– С завтрашнего дня я буду очень занят.

– Это потому, что сегодня Ллэт возвращается? – простодушно поинтересовалась Агнэ. – Хочешь, я ее попрошу, и она тебя не очень сильно побьет?

– Я сам разберусь со своими проблемами, – сухо отозвался эва.

Больше к этой теме мы не возвращались, но озабоченное выражение так и не исчезло с лица Сэнара.

После этого пикник продлился недолго, грустно и закончился быстро. Но я успела съесть что-то странное и мне незнакомой, почти не беспокоясь что отравлюсь, еще немного полюбоваться Утопленницей, собирая последние силы на обратную дорогу и опасаясь, что их все же не хватит.

Напрасно переживала. Дорога вниз по склону оказалась куда легче, быстрее и веселее. Тропинка в прямом смысле несла меня вперед, равняя нас с Агнэ в скорости.

Сэнар плелся позади, мрачный и молчаливый. Он даже на племянницу свою не ругался, требуя идти рядом…

– А что же, Ллэт действительно ему что-нибудь сломает? – тихо спросила я царевну, когда мы отдалились от эва на достаточное для безопасного разговора расстояние.

– Вряд ли, но побьет точно.

Тропинка постепенно выровнялась и вывела нас к развилке, где две тропки – та, по которой шли мы, и вторая, интригующе уводящая вправо, – сходились в одну и тянулись к воротам поселения. Там-то, в низине, укрытая тенью кустов, недалеко от одинокой, но пушистой и вроде как довольной жизнью ели какая-то громкая лягушка привлекла внимание Агнэ своим протяжным кваканьем.

– Надо проверить, – решила она, бросив корзинку в траву. – Я сейчас!

– Куда?! – встрепенулась я, собираясь бежать следом. Остановил меня Сэнар.

– Пусть идет. Ей надо.

– Что надо?

– Убедиться, что это не прекрасный принц, нуждающийся в спасении.

– Еще один прекрасный принц? – ужаснулась я, вызвав понимающую улыбку у эва.

– Уже познакомилась с Бьено?

Я сразу поняла, о ком речь, едва ли в окрестностях обитает много сумасшедших жаб. И недоверчиво спросила:

– Его правда так зовут?

– Он утверждает, что да. – Сэнар стоял лицом ко мне, беспечно повернувшись спиной к развилке тропинок. – Поцеловала его?

– Не в моих правилах целовать лягушек, которых я вижу впервые в жизни.

– Агнэ поцеловала. Сколько потом слез было. Ксэнар несколько дней не мог ее убедить, что она действительно его дочь и настоящая царевна. А говорящая жаба – не заколдованный принц, просто несуразное чудо природы… Думаю, брат бы Бьено тогда просто убил, если бы нашел.

История была в высшей мере занимательной, но куда интереснее мне сейчас было не слушать о семейных сложностях Болотного царя, а узнать:

– Кто это там идет?

Я невежливо ткнула пальцем в сторону спешащей к нам немолодой женщины. Одета она была, как и Агнэ, в рубаху, жилет и штаны с кожаными нашивками. Дорожная сумка, переброшенная через плечо, била ее по бедру, но никак не могла отвлечь от растерянно обернувшегося Сэнара.

С выражением агрессивной решительности на худом скуластом лице женщина неслась прямо на эва. Тот содрогнулся, попятился, тесня меня в траву, уронил сумку и тихо пробормотал:

– До ворот осталось меньше мили, прямо по тропе. Вы не заблудитесь. Следи за Агнэ.

– Что? А вы?

– А мне пора нести свои кости подальше отсюда.

– Что?

– Даже не думай сбегать! – прогремел сильный голос незнакомки. – Прими свое наказание достойно, мальчишка!

– Дурак я, что ли? – вопросил Сэнар, ни к кому не обращаясь.

И побежал. Прочь с тропы, в сторону зарослей дикой яблони. Поднырнул под низкие ветви и скрылся из виду.

Не теряя времени, сменив быстрый шаг на бег, с места сорвалась и женщина. Пронеслась мимо меня, одарив мимолетным цепким взглядом, и нырнула в колючие объятия деревьев.

Несколько мгновений я смотрела на растревоженные ветви и думала, можно ли назвать это знакомством с Ллэт, или считается, только когда представляешься официально? Как принято у эва?

Покачав головой, я обернулась туда, где совсем недавно выискивала лягушку Агнэ, чтобы узнать ее мнение касательно здоровья Сэнара. Насколько оно ухудшится, если Ллэт его все же догонит. И сильно ли страшнее станет его будущее, если не догонит.

Девочки на месте не было.

– Агнэ! – позвала я.

Деревья безучастно шелестели листвой, глухие к моим воззваниям.

– Агнэ! – повторила я. – Агнэ, это не смешно. Выходи!

Царевна не откликалась.

Самое страшное, что только могло произойти, случилось – я потеряла ребенка.

В низину я спустилась в считаные секунды – просто поскользнулась на траве и скатилась вниз, оказавшись в каких-то колючих кустах. Ноги спасли штаны, гордость – отсутствие зрителей. С трудом высвободившись и поднявшись, я рассеянно отряхнулась, вглядываясь в мирную тень между деревьев.

– Агнэ?!

Гася несправедливую злость на Сэнара, бросившего меня здесь одну со страшной проблемой, я поспешила в единственно верном направлении – прямо в лес.

– Агнэ! – звала я, мечтая найти царевну, надрать ей уши и больше никогда никуда с ней не ходить.

Опасности я не почувствовала и странной тени, мелькнувшей на краю зрения, значения не придала. Я боялась не найти Агнэ, на другие страхи места не осталось.

Эта безмозглая беспечность стоила мне несколько зверски убитых нервов.

– Долго же мне пришлось тебя ждать, – раздался над ухом вкрадчивый знакомый голос. Шершавая ладонь зажала рот раньше, чем я успела взвизгнуть. – Тише, успокойся.

– М-м-м-м! – возмутилась я.

Мне нужно было, чтобы маг меня отпустил. И раз он все равно здесь, чтобы помог найти царевну, пока ее кто-нибудь не съел. И я выкручивалась из его рук, толкалась локтями, мстительно желая заехать ему под дых. Он специально меня напугал, а я специально сделаю ему больно – это честно.

Арис держал крепко, ощутимо сдавливая ребра, и на тычки мои внимания особого не обращал.

А это уже было совсем не честно.

– Рагда, я тебя сейчас отпущу, – пообещал он, быстро сообразив, что мне не хватит благоразумия успокоиться самой. – А ты пообещаешь вести себя разумно, да?

Мое короткое неопределенное мычание при должном уровне наивности или оптимизма можно было принять за согласие.

Арис меня отпустил.

Не медля, я отшатнулась, резко крутанулась на месте и с чувством пнула его в голень. Удар пришелся вскользь и оказался почти безболезненным. Маг лишь слегка поморщился.

– Я же просил вести себя разумно, – осуждающе покачал головой он.

Я резко вскинулась, подняв на Ариса взгляд, и на несколько мгновений потеряла дар речи, с ужасом глядя в худое лицо. Его вполне можно было бы назвать изможденным, можно было бы даже решить, что маг болен. Если бы не черные глаза, черные волосы и страшный знак на виске. Незаконченный круг с тремя пересекающими его линиями разной длины.

Чернокнижник.

Такие не болеют.

Зловещий образ довершал дорогой костюм из черной ткани: черная сорочка, черный жилет, черный камзол и узкие по новой моде брюки. И щегольские сапоги, тоже черные.

Первым моим порывом было броситься бежать куда глаза глядят, но воспоминание о том, что я по глупости умудрилась заключить сделку с этим магом, ударом под дых удержало на месте.

– Вы меня напугали! – огрызнулась я, нервным жестом одернула рубаху, собираясь возобновить поиски. Сбежать от него очень хотелось.

– Куда-то спешишь?

– Нужно найти Агнэ.

– Не нужно, – сказал маг.

Его уверенный тон меня насторожил.

– Вы что-то с ней сделали? – холодея, спросила я. Арис неопределенно улыбнулся. – Что вы с ней сделали?!

Я качнулась к нему, в стремлении схватить за отвороты камзола и немного потрясти, но отшатнулась, так и не коснувшись его. Маг рассмеялся.

– Тебе не о чем волноваться. Девочка в полной безопасности. Дай ей немного времени, позволь поймать желанную добычу. Обещаю, далеко ее это не заведет.

– Вы же что-то сделали, да?

Арис пожал плечами.

– Ей ничего не угрожает, так стоит ли переживать?

Стоит ли переживать, спросил меня чернокнижник… он издевается?

– К тому же нам с тобой нужно обсудить одну незначительную проблему, – продолжил маг, виртуозно не замечая мой подозрительный взгляд.

– И какую же?

– Мне нужна твоя кровь.

Не веря своим ушам, я переспросила:

– Что?

– Я не учел одну деталь, – неохотно пояснил он. – Без маяка ступить на заговоренную землю я не могу. Царь отнял у меня эту возможность. Но капля твоей крови приведет меня к тебе, где бы ты ни находилась, и ничто не будет мне преградой.

Я отступила. Выражение моего лица, подозреваю, было красноречивее любых слов и предлагало магу точный маршрут путешествия в невероятное и увлекательное место, о котором мне, как принцессе… пусть и бывшей, знать было не положено и куда Арису стоило бы идти.

И пусть ему там будут рады.

Маг нахмурился.

– Это в твоих же интересах.

– В моих интересах не вручать добровольно часть себя в руки чернокнижника, – мрачно ответила ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/oginskaya_kupava/zhena-bolotnogo-carya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити